

Арно, Ф. Т. М.

2-й экз.

АДЕЛЬСОНЪ
И
САЛЬВИНИ

АГЛИНСКАЯ ПОВѢСТЬ.

ПЕЧАТАНА
ВЪ Типографіи Императорскаго
Московскаго Университета
1779 года.

АДЕЛЬСОНЪ
И
САЛЬВИНИ

АГЛИНСКАЯ ПОВѢСТЬ.

Кажется, что Римъ сохранилъ нѣкоторымъ образомъ право удивленія и почтенія къ себѣ другихъ народовъ; хотя потерялъ онъ власть надъ свѣтомъ, но царствуетъ въ немъ еще и нынѣ художествами. Адельсонъ былъ изъ числа иностранцовъ, пріѣжжающихъ умножать толпу его гражданъ. Живописное художество безпрестанно привлекало его къ превосходнымъ произведеніямъ Рафаела и Коррежія. Онъ расточалъ художникамъ свои благодѣянія тѣмъ паче рѣдкія, что не пріобщалося къ онымъ ни уничиженія къ получавшимъ, ни несноснаго тщеславія въ подающемъ оныя.

Между воспитывавшимися въ Римскомъ училищѣ, отличался отъ другихъ молодой человѣкъ именемъ Сальвини, коему хотя щастіе не было благосклонно, но благодѣяніями природы могъ онъ хвалиться. Кажется, само естество любовалося, вруча сему молодому художнику кисть славнѣйшихъ ея подража-

 телей.

телей. При толь превосходныхъ дарованіяхъ имѣлъ онъ всѣ преимущества добраго воспитанія; онъ довольно изученъ былъ свободнымъ наукамъ; красоты знаменитыхъ стихотворцевъ древности и славныхъ писателей его страны столько же были ему извѣстны, какъ и превосходнѣйшія произведенія живописцевъ, и даже сочинялъ онъ самъ изрядные стихи, можно сказать, что взялъ онъ себѣ въ примѣръ Салватора Розу, который съ равнымъ успѣхомъ владѣлъ кистью и перомъ. Впрочемъ задумчивый нравъ показывалъ въ Сальвини природу, подверженную стремленію страстей; онъ искалъ всегда уединенія, и провождалъ цѣлые дни въ пещерахъ, погружаясь въ размышленія, кои суть коренья и пища всѣхъ человѣческихъ познаній. И подлинно уединенію и неусыпнымъ трудамъ одолжены великіе мужи тою степенію великости, до коея они достигли. Слава есть златая вѣтвь, которую не можно получить не исторгая. Таковое сложеніе показываетъ обыкновенно остроуміе, но заставляетъ притомъ опасаться слѣдствій толь жестокаго нрава, коего ни сильнѣйшая власть разсудка, ни любовь порядка не въ силахъ бываетъ преодолѣть. Одно общежитіе можетъ ослабить наши чувства, и загладить особенныя наши примѣты, дѣлая даже черты лица нашего и образъ дѣяній общими. Можетъ быть нещастіе возбуждало печальный и дикій нравъ Сальвинія; онъ былъ жертвою

худаго

худаго поведенія своихъ родителей; а бѣдствія не минуемо превращаютъ тихость нравовъ, первое достоинство живущаго въ обществѣ человѣка. Младый живописецъ толико убѣгалъ обществъ, сколь ревностно другіе оныхъ ищутъ; но со всѣмъ тѣмъ не могъ онъ воспротивляться оказываемому почтенію отъ Адельсона. Лордъ сей, предупреждавшій достоинства, не былъ отринутъ нелюдимостію Италіанца; онъ мнилъ, что дарованія по добродѣтели составляютъ истинную великость и что они превосходятъ всѣ посторонния достоинства, кои суть единыя мечтанія, созданныя условіемъ и превосходящія самыхъ славящихся оными. Адельсонъ всѣ блистательныя сіи преимущества почиталъ самыми малѣйшими въ себѣ превосходствами; онъ одаренъ былъ качествами гораздо дѣйствительнѣйшими; имѣлъ онъ благородство, утвержденное самою природою, пріятнѣйшую стройность тѣла, изящнѣйшій вкусъ къ художествамъ и душу толико высокую, какъ и чувствительную; добрыя дѣла были для него важнѣйшими нуждами, кои прежде всего удовлетворить онъ старался. Сальвини вскорѣ сталъ предметомъ нѣжному его великодушію, и что лестнѣе еще честному человѣку, то вліялъ онъ Лорду благородное и сильное чувствіе дружбы; онъ былъ того достоинъ; благодѣянія Агличанина менѣе его привязывали, нежели почтенное сіе дружество, возвышающее его предъ самимъ

нимъ собою. Довѣренность уничтожаетъ ненавистное и дѣтское различіе чиновъ, и поставляетъ душу въ семъ благополучномъ равенствѣ, которое едино сильно соединить сердца, и учинить толь неразрывный союзъ, коего ни прибытокъ, ни непостоянныя нужды общества прервать не въ силахъ. Весьма мало въ свѣтѣ благодѣтелей, умѣющихъ быть друзьями! можетъ быть причиною тому неблагородность; но Лордъ не долженствовалъ никогда опасаться, чтобы Сальвини заразился симъ порокомъ, сею ужаснѣйшею болѣзнію сердца человѣческаго. Сей былъ толико же благороденъ, сколь тотъ великодушенъ; и такъ пребывали они въ толь тѣсномъ союзѣ, что называли ихъ братьями.

Не одни дарованія и почтенныя качества Сальвинія были причиною ихъ дружества; но задумчивость, въ коей безпрестанно онъ погружался, была можетъ быть главнѣйшею причиною. Адельсонъ питалъ въ себѣ тайную скорбь, отъ коей ничто извлечь его было не въ силахъ; и казалося, что находилъ онъ нѣкоторый родъ удовольствія, изливая печальныя волненія души своея въ присутствіи друга; часто цѣлые дни препровождалъ онъ въ молчаніи; иногда вырывалися у него вздохи, и слезы готовы были пролиться; часто возводилъ онъ къ небу полные слезъ взоры, и паки приклонялъ на долгое время къ землѣ. Молодый Италія-

Италіанецъ думалъ, что знаки мрачной сей задумчивости были дѣйствіемъ болѣзни, коей многіе Агличане подвержены; онъ видѣлъ въ другѣ своемъ всѣ признаки сухоты, и довольствовался сожалѣніемъ, не показывая ему, сколь велику горесть чувствовалъ онъ въ себѣ; онъ опасался увеличить скорбь его, говоря ему объ оной; а притомъ задумчивые люди чувствуютъ нѣкую сладость при видѣ взаимной печали. Нещастные ищутъ себѣ подобныхъ, и чувствуютъ уменьшеніе золъ своихъ, разсматривая взаимное свое состояніе.

Около двухъ лѣтъ былъ ужè Лордъ въ Римѣ, какъ другъ его засталъ, держащаго въ рукѣ письмо и проливающаго слезы, кои силился онъ скрыть. Любезный Сальвини, сказалъ потомъ Лордъ, посмотря на него пристально, чувствуешь ли ты себя способна учинить для меня опытъ дружбы, которымъ всѣ чувства мои къ тебѣ на верьхъ совершенства достигнутъ? Что такое? Скажи Милордъ, перехватилъ его рѣчь Сальвини, чего ты требуешь? Ты не долженъ сомнѣваться о моемъ сердцѣ; нѣтъ такихъ опытовъ, на которые бы я для доказанія моей благодарности не отважился —— Любезный другъ не о благодарности я днесь тебѣ говорю, я требую дружбы; я чувствую, что ты сдѣлался не обходимо нужнымъ для моего блаженства. Душа моя ищетъ излиться во твое сердце. Не щастливъ

стливъ тотъ, кому не извѣстна сладостная и пріятнѣйшая сія страсть, связывающая сердца безъ помощи чувствъ. Дружба для меня столько же почти драгоцѣнна, какъ и любовь и . . . . . Намъ должно разстаться. Милордъ, конечно дѣла требуютъ тебя въ Лондонъ? Щастіе . . . . . . Ахъ Сальвини, какое щастіе? Нѣтъ, причина сильнѣйшая богатствъ и выше всего въ свѣтѣ исторгаетъ меня изъ сего жилища, и понуждаетъ съ тобой на вѣки проститься. Такъ, я долженъ оставить Римъ . . . . . Сальвини навсегда . . . . . Я ужѐ больше не увижу моего друга . . . . Я намѣренъ предложить тебѣ жертву, коея важность я не хочу отъ тебя скрыть; я люблю свою страну; и такъ безъ сумнѣнія и твое отечество должно быть столько же тебѣ мило; но не ужъ-то долженъ ты для удержанія чувствій гражданина остаться навсегда въ Римѣ? Сальвини поспѣшно бросился со слезами въ объятія своего друга, вскричавъ: всюды, куда бы ни поѣхалъ мой благодѣтель, лечу и я въ слѣдъ за нимъ! Милордъ, ты не безъ причины думаешь, что я люблю Италію, хотя влачу я въ ней жизнь бѣдственную. Самое мое художество, кое я почитаю, требуетъ для достиженія въ немъ совершенства, чтобы имѣлъ я всегда предъ очами богатство Рима; но я родился человѣкомъ, а не художникомъ. Ты преисполнилъ меня благодѣяніями; ты позволяешь называть себя

дру-

другомъ; и такъ другъ мой замѣнитъ для меня все въ свѣтѣ.

Лордъ обнявъ Сальвинія, сказалъ — Чувствую я всю цѣну сея поступки; мнѣ должно пребыть на вѣки благодарнымъ. Ступай, поѣдемъ въ Лондонъ; я соединю дружбу можетъ быть . . . Ты узнаешь Сальвини . . . . Узнаешь ты, что влечетъ меня въ Англію . . . . . Тебѣ откроется вся моя душа. Адельсонъ поспѣшно оставляетъ Италію; проѣжжаютъ они Францію и только что прибыли въ Дувръ, то получаетъ Адельсонъ письмо; кричитъ извощикамъ, чтобы поспѣшали : ступай! лети! я тебѣ обѣщаю сто гиней! потомъ обратясь съ восхищеніемъ къ Сальвинію, вскричалъ: Любезный другъ . . . Ахъ другъ мой . . . . . Чувствъ моихъ не достаетъ для радости . . . . Чрезвычайность моего блаженства . . , . . Ахъ нельзя мнѣ довольно поспѣшить.

Молодой человѣкъ пребывалъ недвижимъ отъ удивленія; а Адельсонъ подобился изступившему ума человѣку; удовольствіе и радость пресѣкали всѣ его слова, и учинили его безмолвна; наконецъ достигли они въ Лондонъ. Лордъ движимъ нетерпѣливостію, проводилъ Сальвинія въ свой домъ, и не выходя изъ коляски, сказалъ ему: любезный другъ, вотъ тебѣ домъ: мои служители да будутъ твои: учреждай моимъ благополучіемъ, такъ какъ и сердцемъ моимъ. Прости, мы скоро увидимся; сказавъ

завъ сіе, началъ онъ паки торопить извощика, и уѣхалъ.

Не можно себѣ вообразить удивленія живописца. На другой день увидѣлъ онъ Адельсона, исполненнаго радости, которой только что повернулся; Сальвинію весьма хотѣлося знать причину частыхъ его отлученій; но дружба повинуется нѣкоторымъ обстоятельствамъ, коихъ не вѣдаетъ любовь. Онъ опасался погрѣшить, естьли бы вздумалъ не почитать скромность своего благодѣтеля. Сіе все было не важнымъ неудобствомъ для иностранца, коему впрочемъ не для чего было жалѣть о своемъ отечествѣ; онъ предался совершенно своему дарованію, и покидалъ свои работы только на весьма короткое время, которое посвящалъ онъ для Адельсона. Сей часто смотря на него, не могъ скрыть измѣняющаго ему замѣшательства; казался онъ быть удручаемъ великою тайною, и готовъ былъ ея открыть; но вскорѣ принималъ онъ другой видъ, и начиналъ разговоръ, совершенно удаленный отъ того, который хотѣлъ начать. Однимъ утромъ вошелъ онъ къ живописцу, и нашелъ его трудящагося надъ картиною, которая представляла Пигмаліона, оживляющаго истуканъ; онъ представленъ былъ такъ, что казалося, будто украшаяся, оживляется подъ рукою художника. Вижу я, сказалъ, улыбаясь, ему Лордъ, что имѣешь

ты

ты равное дарованіе воображенія искусству твоея кисти; но Сальвини, сколько бы ты ни воображалъ себѣ, и хотя бы собралъ ты всѣ красоты всѣхъ богинь вмѣстѣ: то не достигнутъ они одного образца, который безъ сумнѣнія всѣ ваши вымыслы превосходитъ. Выговоря сіе, устремилъ Адельсонъ взоры свои на молодаго человѣка; потомъ перемѣня голосъ, началъ говорить: Сальвини, бывалъ лы ты когда влюбленъ? Нѣтъ, Милордъ никогда; художества, науки и дружба довольны для моего сердца; я навсегда намѣренъ убѣгать нѣжнаго сего пола, который толь не ограниченную пріемлетъ власть надъ нашимъ сердцемъ; я довольно начитался, что любовь есть наиопаснѣйшая страсть. Такъ конечно, перервалъ его рѣчь Агличанинъ, самая опасная, но притомъ и самая соблазнительная; и вдругъ перемѣнилъ онъ разговоръ.

Нѣсколько времени прошло такимъ образомъ, что Лордъ безпрестанно отлучался, и что Салвини всегда намѣривался явить ему свое любопытство, и всегда сердился самъ на себя, что стоитъ ему толь дорого побѣдить оное.

При новомъ разговорѣ, который началъ Адельсонъ, присовокупилъ онъ искусно нѣкоторую повѣсть, примѣчая съ удовольствіемъ вниманіе Сальвиніево: нѣкоторой *Лордъ*, говорилъ онъ, и Баронъ были долго

во взаимномъ дружествѣ; первой открылся другу своему, что имѣлъ любовницу, которую любилъ онъ страстно, и познакомилъ его съ нею. Баронъ нарушилъ дружбу; возгорѣлъ безумною страстiю къ любовницѣ Лорда, и началъ искать, чтобы прельстя ея, увести.

Италiянецъ не далъ времени Агличанину окончить Повѣсть; все его омерзѣнiе вдругъ явилось. А! вѣроломное чудовище! какъ могъ онъ употребить, во зло гнуснымъ образомъ довѣренность! и онъ живъ! Адельсонъ бросился въ объятiя живописца; Сальвини, благородное сiе рвенiе прельщаетъ меня. И такъ не нравится тебѣ такой поступокъ? —— Не нравится Милордъ? Мнѣ онъ кажется ужаснѣйшимъ злодѣянiемъ и тотъ, кто осквернился симъ, кажется мнѣ гнуснѣйшимъ и мерзостнѣйшимъ всѣхъ злодѣевъ на земли . . . Но нѣтъ не возможно . . . . Нѣтъ не можетъ быть, чтобы существовали въ свѣтѣ толь жестокiя и подлыя души . . . Между тѣмъ, какъ сiе говорилъ Сальвини, видна была радость и удовольствiе, разливающееся на лицѣ Агличанина; онъ началъ говорить: любезный другъ, ежедневно прiобрѣтаешь ты новые Правы надъ моимъ сердцемъ, и показываешь мнѣ новыя добродѣтели; я обидѣлъ бы тебя, ежели бы не платилъ ихъ съ своей стороны; ежели сталъ бы долѣе хранить съ тобою скромность: въ минуту не останется

нется тебѣ ничего желать . . . . . . Увидишь ты, сколько я тебя люблю.

Послѣднія сіи слова произнесъ Адельсонъ въ смущеніи; онъ позвалъ Сальвинія прогуляться; и такъ поѣхали они за десять миль отъ Лондона, и остановилися въ пріятнѣйшемъ мѣстѣ. Лордъ объявляетъ молодому человѣку, что находятся они теперь на одной изъ земель его. Сей восхищается при видѣ зеленѣющихся полей, питающихся благорастворенымъ воздухомъ, неизвѣстнымъ въ другихъ странахъ; тамъ-то распространяются взоры, и прилѣпляются ко изобилію и питательной роскоши вольности; плодами обогащенные кустарники и искусствомъ украшенные луга покрытые многочисленными стадами, представляютъ со всѣхъ сторонъ красоту и богатство природы. Толь нѣжное зрѣлище для чуствительнаго къ истиннымъ красотамъ человѣка, знающего имъ цѣну, часъ отъ часу прельщаетъ болѣе Сальвинія; онъ предался сей сладостной задумчивости, причиняемой сими сельскими видами. Признайтесь, сказалъ ему Адельсонъ, что сердце отверзается совершенно только въ деревнѣ; я не изыскивалъ никогда сему причины; но страсти пріемлютъ въ сихъ мѣстахъ нѣкоторый видъ задумчивости, придающей имъ прелесть несказанную. Въ городахъ такъ не любятъ. Я чувствую невинную сію прелесть, отвѣчалъ Италіянецъ, дружба ваша для

меня

меня здѣсь еще становится драгоцѣннѣе, нежели въ Лондонѣ: и я бы охотно оставилъ всѣ палаты владѣтелей для таковаго уединенія —— Ахъ другъ мой! сколь малаго вниманія они заслуживаютъ. Я-то царь Англіи, всея природы, Сальвини. Въ сихъ поляхъ я наслаждаюся высочайшимъ благомъ . . . . . Я любимъ . . . . . Салвини, я увѣренъ, что ты мнѣ другъ, и что пребудешь другомъ навсегда . . . Ты плачешь, чувствую, что недовѣренность моя тебя обижаетъ, сколько она не справедлива! нѣтъ, нѣтъ любезный другъ, не сомнѣваюсь я о твоей дружбѣ, о твоей благодарности; прости меня; я докажу тебѣ . . . . . Долго ужъ я отлагалъ; подлинно мнѣ себя винить можно . . . . Съ тобою ли твои краски? Милордъ, Отвѣтствовалъ, улыбаясь живописецъ, когда добрый воинъ ѣздитъ безъ меча? Безъ сумнѣнія краски мои со мною; и я не терпѣливо хочу списать всѣ виды . . . . Постой, перервалъ Лордъ, я представлю тебѣ образъ прекраснѣйшій всѣхъ сихъ проспектовъ . . . . Доселѣ изображалъ ты только смертныхъ; но я хочу, чтобы ты чувствовалъ одолженія, получа чрезъ меня понятіе о красотѣ, какую стихотворство придаетъ Венерѣ Флор. . . . Ахъ ты самъ сагласишся; подожди, я тотчасъ назадъ буду.

Адельсонъ возвращается къ Сальвинію; онъ велъ рукою молодую пятнатцати лѣтъ особу;

особу; живописецъ остается безмолвенъ въ восхищеніи; прелестное сіе твореніе было въ смущеніи, и самое смущеніе сіе придавало ей красоту —— Вотъ сударыня тотъ, котораго по васъ люблю я паче всего; а ты любезный другъ, ты видишь владычицу моего сердца; тебѣ должно судить о пріятностяхъ; скажи толико прелестей, не достойны ли моего почитанія? . . . Не стыдися дражайшая Нелли: похвала сія есть долгъ; имѣя толико превосходную предъ красотою душу, можно слушать похвалы красотѣ.

Алельсонъ отвелъ ихъ обоихъ въ бесѣдку, въ коей Нелли казалася царствующею, какъ описываютъ, богинею цвѣтовъ, взоромъ оживляющею всѣ прелести пріятнѣйшаго времени.

Сальвини пребывалъ въ изступленіи. Нелли была подлинно твореніе красоты небесныя; взоры ея возбуждали восхищеніе, смущеніе, томность и сей родъ удивленія, какой явившееся божество удобно бы было произвесть. Пылкость разума, чистое и невинное сладострастіе души являлося на ея очахъ; голосъ довершалъ чудеса ея глазъ; малѣйшее ея слово вливало въ душу сладостнѣйшее чувствіе, не загладимо въ ней остающееся; стройное и легкое сложеніе тѣла не препятствовало важной ея походкѣ; каждый шагъ, каждое движеніе привлекало всякаго за собою; ежеминутно новыя

выя прелести открывалися въ ней. Казалося, что стихотворцы нарочно для Нелли изобрѣли сравненіе красавицы съ разцвѣтающею розою. Какимъ жаромъ пораженъ былъ Сальвини, чувства его поражающимъ; онъ насилу смотритъ; колѣна его колеблются; онъ стремится ихъ укрѣпить; тщетно старается онъ исторгнуть себя изъ сего смущенія; намѣревается сказать привѣтствіе Нелли; недоканчанныя слова остаются въ устахъ его. Что это, любезный другъ, сказалъ ему Адельсонъ? Не ужъ то пріятное лице можетъ тебя такъ смутить? Кажется живописцамъ должно бы привыкнуть къ зрѣнію красотъ? Ну, возьми краски, да изобразится днесь любовь дружбою.

Сальвини старался возставить на лицѣ своемъ спокойствіе, удаляющееся отъ его души; намѣревается приняться за работу; но ошибается въ употребленіи красокъ; они ламаются, или выпадаютъ изъ рукъ; когда очи его встрѣчаются съ взорами Нелли, тогда безпорядокъ въ немъ умножается; тутъ видно было дѣйствіе Апеллеса, списывающаго Кампаспу въ присутствій Александра. Адельсонъ продолжалъ издѣваться затрудненію молодаго человѣка. Наконецъ начиная и заглаживая разъ десять, достигъ онъ представить подобіе любезной Аглинчанки, съ такою живостію и сходствомъ, что Лордъ вскричалъ: колико я тебѣ обязанъ! ты создалъ для меня другую Нелли!

такъ

такъ вотъ она! вотъ милая ея усмѣшка, прельщающая меня! вотъ глаза ея, небомъ отверстымъ мнѣ кажущіеся. Сальвини ты сдѣлалъ чудо . . . . . Но она не сравненно лучше изображена въ моемъ сердцѣ.

Агличанинъ и Италіанецъ остаются одни; Адельсонъ начинаетъ говорить.

Ну Сальвини, можетъ ли дружба твоя жаловаться; я не думаю, чтобы можно было для нее что больше сдѣлать; я теперь показалъ опытъ довѣренности, превосходящей всѣ благодѣянія, коими хотѣлъ тебя наградить. Милордъ, прервалъ поспѣшно рѣчь живописецъ, признаюсь, что сей знакъ дружбы превосходитъ всѣ дарованія щастія; и я достоинъ чувствоватъ его цѣну. Я съ удовольствіемъ вѣрю сему, продолжалъ Лордъ, я доказалъ тебѣ, что ты почти столько же мнѣ милъ, какъ Нелли; и ты безъ сумнѣнія будешь благодаренъ за мою довѣренность, ежели узнаешь, что я найстрастнѣйшій, горячѣйшій и ревнивѣйшій человѣкъ въ свѣтѣ. Никто въ свѣтѣ больше меня не чувствуетъ жестокости любви; я разстерзалъ бы сердце того, кто бы дерзнулъ явить малѣйшій знакъ нѣжности къ сей обожаемой красотѣ. Ничто не можетъ для меня быть священнымъ . . . . Довольно, удалимъ ужасныя сіи мысли; я на твою честность полагаюсь . . . . Не смотря на молодость твою,

Сальвини, не возможно тебѣ быть не благодарнымъ . . . Я тебя люблю; я желалъ вкушать вдругъ всѣ удовольствія; я соединилъ друга и любовницу. Видѣлъ ты Ангельскую сію красоту; признайся, не обворожающая ли она есть прелесть. Сальвини отвѣтствовалъ прерывающимися и неясными словами: легко видѣть было можно, что сердце его ощущало ужасное волненіе. Адельсонъ продолжалъ: должно мнѣ совершенно тебѣ открыться, и излить въ душу твою все, что способствовало моему благополучію: ибо я не сумнѣваюсь, что преодолѣлъ я всѣ препятствія, удручавшія меня. Пойдемъ, сядемъ въ покрытомъ пути Сальвини; онъ мнѣ драгоцѣненъ; здѣсь-то въ первый разъ узрѣлъ я владычицу моего сердца. Идутъ они подъ сіи деревья, коихъ прелестная тѣнь увѣнчавала брега, съ которыхъ представлялися взору малыя деревни, разсѣянныя по полямъ въ близкомъ другъ отъ друга разстояніи. Лордъ начинаетъ такимъ образомъ разговоръ:

Я родился въ Лондонѣ; не успѣлъ я выдти изъ младенчества, какъ краткая болѣзнь похитила отъ меня мать мою; отецъ мой занималъ мѣсто перваго степени въ правительствѣ; и хотя онъ меня довольно любилъ; но воспитаніе препоручилъ учителямъ, коихъ корыстолюбивое снисхожденіе ласкало паче моимъ страстямъ, нежели искореняло оныя; они ввергли меня въ неразлучныя съ ними заблужденія. Отвращеніе

вращеніе слѣдовало ложнымъ забавамъ. Я началъ искать истиннаго удовольствія; мнилъ найти его въ уединеніи, въ ученіи и упражненіи, въ художествахъ. Сердце мое не было однако совершенно довольно; оно требовало постояннѣйшаго прилѣпленія; но наконецъ достигло оно предмета всѣхъ своихъ желаній. Часто я удалялся градскаго шума, для изобрѣтенія тамо средства къ достиженію благополучія, коего причины я не усматривалъ. Глубокая задумчивость завела меня въ сей путь. Голосъ женскій извлекаетъ меня изъ моего размышленія; я подъемлю очи; зрю, Сальвини, молодую особу . . . . Ангела красоты; не въ силахъ я изобразить восхищеній, меня объявшихъ. Женщина ужѐ въ лѣтахъ, показавшаяся мнѣ ея матерью, разговаривала съ нею. Разговоръ ихъ былъ о невинныхъ забавахъ, чувствуемыхъ въ деревнѣ, о тихости нравовъ и дѣйствій, коими кажется съ тихостію воздуха питаются въ семъ жилищѣ; утверждали они, что красота сей жизни предпочтена градской роскоши, и что истинное блаженство нигдѣ не можетъ находиться, какъ только въ людяхъ, предавшихся трудамъ землѣдѣлія. Я приближался къ симъ двумъ незнакомымъ, и не имѣлъ нужды освѣдомиться о ихъ достоинствѣ, для засвидѣтельствованія почтенія, кое присутствіе молодой особы во мнѣ ужѐ поселило. Не обходимо должно, любезный Сальвини, простить мнѣ множе-

 ство

ство подробностей, которыя тебѣ покажутся можетъ быть ничего не значущими. Но ты не вѣдаешь, что все важно для любовника, говорящаго о любезной, и все, что касается до Нелли, не можетъ быть малостію. Я узналъ скоро ихъ имена и состояніе; прекрасная дѣвица тогда молчала; но сколь красноръчиво было ея молчаніе! она смотрѣла на меня, краснѣясь, и отъ часу становилася прелестнѣе. Женщина, которая вподлинну была ея мать, разсудила вступить со мной въ разговоръ о ея родѣ и состояніи. Мужъ ея Шотландской дворянинъ разорилъ ея щастіе, сопротивляясь упорно непобѣдимой части двора. Онъ не давно умеръ; овдовѣвшая его жена и Нелли содержали себя весьма посредственнымъ имѣніемъ; они владѣли малою деревнею, не болѣе одной мили отстоящею; пріятность гулянія не чувствительно завела ихъ въ сію дорогу. Ахъ любезный другъ! въ какомъ я былъ смущеніи; я просилъ госпожу Риверсъ, [такъ называлась сія женщина.] позволенія проводить ихъ къ нимъ; пришли мы домой. Другъ мой! домъ сей былъ храмъ добродѣтели и невинности; все дышало честностію нравовъ, украшающею и дѣлающею любезнымъ самое простѣйшее жилище. Колико труда стояло мнѣ растаться съ симъ прелестнымъ убѣжищемъ! мать и дочь проводили меня до дверей; я услышалъ имя молодой дѣвицы; Нелли! имя сіе тотчасъ впечатлѣлось въ моей душѣ; оставшись

одинъ

одинЪ, твердилЪ я безпрестанно сіе имя; дозволено было мнѣ посѣщать ихЪ; не нужно тебѣ сказывать, что я желалЪ бы провести всю жизнь мою вЪ домѣ, кЪ которому душа моя была прилѣплена. Открылись вдругЪ мои глаза; я подобенЪ былЪ человѣку, покрытому прежде мглою, и окруженному неприступными горами, вдругЪ преносящемуся подЪ свѣтлое небо, посреди пространнаго поля, гдѣ все прельщаетЪ его чувства. Я познalЪ, что единый взорЪ Нелли могЪ учинить высочайшее мое благо, и ощутилЪ, сколь сладостная страсть есть любовь, когда соединена она сЪ честію и добродѣтелію: ибо я не желалЪ обмануть обожаемую Нелли; нѣжность моя была нѣкоторой родЪ богочтенія; я почиталЪ то, что любилЪ; а сіе толико сладостно, чтобы любовницу свою щитать предметомЪ единаго почтенія. Не удивительно тебѣ покажется, что не взирая на ея недостатокЪ, вознамѣрился ужѐ я на ней жениться: не всемЪ ли она обладаетЪ; она прекрасна, добродѣтельна, чувствительна; какое сладострастіе для меня чтобы возмочь повергнуть предЪ ея стопами богатства, случаемЪ мнѣ данныя! истинными сокровищами владѣетЪ она. АхЪ Нелли! Нелли! почто не могу представить тебѣ обладанія вселенной; но сколько бы и сей дарЪ ниже былЪ твоего достоинства.

Я былѣ благополучнѣйшій человѣкѣ вѣ свѣтѣ; я умѣлѣ преодолѣть всѣ трудности, представляемыя мнѣ госпожею Риверсѣ; она говорила, что наши неравныя состоянія полагаютѣ непреодолимыя препятствія кѣ супружеству моему сѣ ея дочерью: я обнадеживалѣ ея и увѣрялѣ, колико истинна и чувствія имѣютѣ силы! наконецѣ сѣ позволенія матери удостоила Нелли меня слышать; позволено мнѣ было изъяснять свою любовь. Ахѣ любезный другѣ! какому? Сладостному упоенію предался я тогда, какѣ услышалѣ признаніе ея, что нѣжность моя ее трогаетѣ! читалѣ я вѣ ея очахѣ, что любезная стыдливость воспрещала ей изъяснить все, что она чувствовала; я бросился кѣ ея ногамѣ; орошалѣ ихѣ тѣми нѣжными, тѣми драгоцѣнными слезами, кои чувствіе извлекаетѣ. Божественная Нелли, вскричалѣ я, владѣй во вѣки моею душею: пріемлю небо вѣ свидѣтельство, что не буду имѣть другія супруги кромѣ тебя: сей же часѣ лечу поспѣшать сею благополучною минутою, утверждающею союзѣ, кѣ коему жизнь свою я прилѣпляю.

Что мнѣ сказать? Смущенная Нелли дала мнѣ свою руку, на коей печатлѣлѣ я пламенныя лобызанія мнилѣ умереть отѣ удовольствія, чувствуемаго отѣ простыя сея благосклонности.

Срод-

Сродственники мои, побѣжденные моими и моихъ друзей прозьбами, согласились на сей толь вожделѣнной союзъ. Они признались, что прелести и добродѣтели Нелли, такъ какъ и родъ ея, должны были заставить забыть неравенство достатка. Я касался той минуты, чтобы стать ея супругомъ. Отецъ мой мнѣ позволилъ представить ему госпожу Риверсъ и ея дочь; исполненъ лестныхъ воображеній, побѣжалъ я въ ихъ жилище; душа моя стремилась имъ на встрѣчу; преисполненъ будучи удовольствіемъ возвѣстить Нелли, что предъ лицемъ всего свѣта провозглашу ее обладательницею моего сердца! служитель въ слезахъ весь поражаетъ мой взоръ — Другъ мой, Нелли . . . . . Что не скончалась ли она? Ахъ Милордъ, вскричалъ слуга, сумнѣваюсь, чтобы она была жива — Какъ-Два закрытые масками человѣка, провожаемые великимъ множествомъ людей, пришли сюда; завладѣли домомъ, не взирая на всѣ наши сопротивленія, и увезли въ каретѣ г. Риверсъ и ея дочь. Мы примѣтили, что дочь проливала слёзы, похитители скоро изчезли; и мы не знаемъ, по какой дорогѣ они поѣхали.

При сихъ словахъ смутился мой духъ; предался я всѣмъ восхищеніямъ; я направляю стремительно свою лошадь по первой дорогѣ; поспѣшно опять возвращаюсь; приказываю слугамъ раздѣлиться въ разныя

 дороги.

дороги; кричу имъ: я умираю: помогите: похищаютъ у меня Нелли: сыщите ея! приведите ее назадъ. Я упадаю отъ сихъ волненій, и теряю понятіе; прихожу паки въ чувство и ярость; ѣду по волѣ своей лошади; усматриваю наконецъ карету, и не сумнѣнно думаю, что въ ней заключена Нелли; стремлюся къ ней; желалъ бы я тогда имѣть крылья грома; достигаю коляску. Молодой человѣкъ, выставившій голову изъ окна, повелѣваетъ кучеру остановиться; выскочилъ онъ съ обнаженною въ рукахъ шпагою; повелѣваетъ продолжать извощику путь, и нападаетъ на меня, сказавъ: ты далѣ не пойдешь, ты ищешь Нелли: одному изъ насъ надлежитъ умереть: вотъ все, что я тебѣ могу сказать. Не медленно схожу я съ лошади, устремляюсь яростно противъ незнакомца; я съ соперникомъ имѣю дѣло; не сумнѣваюсь я о томъ; узнаетъ онъ, можно ли безъ наказанія меня оскорбить; мы сражаемся; я поражаю моего противника; онъ упадаетъ; я прибѣгаю ему на помощь; ну, сказалъ я, подавая ему руку: жестокой, теперь узнаю, для чего похищаешь ты у меня, что мнѣ любезно. Для чего? Отвѣтствуетъ невѣрной, ты ничего не узнаешь: ты умертвилъ меня; но я умирая, чувствую удовольствіе, причиняя твое нещастіе; будь увѣренъ, что Нелли не отдастся тебѣ, и ты не будешь вѣдать о имени твоея жертвы. Едва окончалъ сіи слова, то испустилъ послѣднее дыханіе.

Я остался не движимъ въ отчаянiи; размышлялъ я тогда, не долженъ ли я пресѣчь свою жизнь тою же шпагою, орошенною кровiю моего соперника, или удвоить старанiя, чтобы достичь карету; наконецъ предпрiялъ последнее: вѣтры не столь поспѣшно летятъ, какъ я скакалъ, лошадь пала подо мною: всѣ мои исканiя были тщетны: служители мои не больше имѣли успѣха. Какое ужасное состоянiе! погубить Нелли въ ту самую минуту, когда получилъ я ее руку! не имѣть ни малаго свѣдѣнiя о ея судьбѣ! иногда сумнѣваться о ея сердцѣ. Были минуты такiя, въ которыя предаваясь плачевнымъ впечатлѣнiямъ моего ревниваго нрава, представлялъ я виновною Нелли, желающею отъ меня убѣжать любящею другова. Не медленно просилъ я мысленно прощенiя въ обидныхъ мысляхъ ея добродѣтели и моей любви. Нѣтъ, говорилъ я самъ въ себѣ, нѣтъ, прелестная сiя дѣвица не винна ни въ чемъ; я долженъ вѣрить ея слезамъ; она оплакивала не иново какъ меня! что съ нею сдѣлалося? Неужто не открою я пути чудовищъ, похитившихъ ея, мѣстъ, гдѣ безъ сумнѣнiя ея содержатъ . . . . Можетъ быть побѣждена она своею горестiю. Варваръ, коего я сразилъ, имѣешь ты причину радоваться моему страданiю! ты пронзилъ мнѣ грудь; ты терзаешь ежедневно мое сердце; я умираю безпрестанно тогда, какъ единый ударъ лишилъ тебя жизни.

Со всѣмъ тѣмъ ощущалъ я, что надежда есть послѣднее удовольствіе; противу воли предавался благополучнымъ предчувствованіямъ; представлялъ я Нелли возвращенную моей любви, шествующую къ олтарю для посвященія вѣрности, которая не обманулась; но дѣйствіе не соотвѣтствовало лестному сему воображенію; все отрицалося подать мнѣ малѣйшее извѣстіе о судьбѣ, соединенной съ моею. Душа моя заблуждала безпрестанно въ неизвѣстности. Какими новыми ударами поразился я: вручили мнѣ письмо неизвѣстныя для меня руки: симъ письмомъ увѣдомляли меня, что г. Риверсъ и дочери ея не стало. Я упадаю! нахожусь три дни въ обморокѣ въ постелѣ, окруженный лѣкарями и плачущимъ моимъ отцемъ! собираю столько силы, чтобы сказать: она умерла дражайшій родитель! онъ принуждаетъ меня принять лѣкарство, мнѣ подаваемое —— Нѣтъ, нѣтъ, безполезно возвращать мнѣ жизнь; вы любите меня, такъ желайте моего конца, моего небытія. Любезная Нелли! она у меня похищена . . . . На вѣки . . . . Навсегда . . . .

Цѣлый годъ пребывалъ я въ жесточайшемъ состояніи, нежели самая смерть, предѣлъ нашихъ золъ. Опасались, чтобы не погубилъ я разума. Увы! я его съ лишкомъ сохранилъ! представлялъ я важность моея утраты и ужасъ судьбы, мнѣ пріуготовляемой

емой, ежели стану сносить долгое время тяжесть моего бытія.

Не усыпныя попеченія отца моего, собранія, науки и художества, первыя наши друзья, наши утѣшители подкрѣпили меня столько, что не испустилъ я духа. Отецъ мой безпрестанно твердилъ, что его жизнь отъ моей зависитъ. И такъ жилъ я, истощаясь слезами, и оплакивалъ воспоминаніе дражайшія моея Нелли; я мнилъ ее слышать, видѣть, разговаривать съ нею, клясться вѣчною любовію. Нещастія мои умножались: смерть похитила моего отца: послѣднія его слова были новыя прозьбы, или нѣкоторымъ образомъ повелѣнія, чтобы не отрицался я отъ представляемыхъ облегченій; ничто не могло удержать меня въ Англіи. Что я говорю, отечество мое учинилось мнѣ ненавистнымъ; я въ немъ видѣлъ гробъ, пожирающій бездушныя остатки даровавшаго мнѣ жизнь и Нелли. Человѣкъ думаетъ премѣнить сердце премѣною мѣста. Безразсудный! онъ воображаетъ себѣ, что преходящее сіе привидѣніе, щастіе ожидаетъ его подъ другимъ небомъ; и думая его получить, преноситъ только скуку свою и горесть въ другое мѣсто; естьли бы я на край свѣта удалился, то пренесъ бы образъ, терзающій мою душу, коего черты навсегда мнѣ были драгоцѣнны. Я протекаю Европу; достигаю Рима; чудеса живописи

вЪ помЪ меня удерживаютЪ. Охотно предался я тому, что имѣетЪ нѣкоторый видЪ способности облегчить мою скорбь. Подобныя симЪ печали обмануть не возможно. Я искалЪ тебя, или влекомЪ будучи сходствомЪ нравовЪ, или мы имѣли нужду любить другЪ друга; или для того что я позналЪ вЪ тебѣ нѣкоторыя качества, производящія дружество. Не смотря на тѣ благосклонныя о тебѣ мысли, и оправдающія тебя поведенія, опредѣлилЪ я твердо не говорить никогда сЪ тобою О Нелли; я скрывалЪ отЪ тебя слезы свои.

ОдинЪ изЪ соотечественниковЪ моихЪ писалЪ ко мнѣ изЪ Неаполя, что слухЪ носится вЪ ЛондонѢ, будто г. РиверсЪ и ея дочь живы; ты засталЪ меня держащаго вЪ рукахЪ сіе письмо; я орошалЪ его слезами; мало вѣрилЪ я сему извѣстію. Судьба толико жестока была ко мнѣ, что не могЪ я льстить себя окончаніемЪ моихЪ страданій; однако сердце мое противу воли зрѣло нѣкій слабый лучь надежды; я вознамѣрился возвратиться вЪ Англію, и испытать еще исканія. Никогда человѣкЪ не можетЪ удостовѣриться о своемЪ нещастіи. Нельзя пріучить себя вѣрить, чувствовать, дѣйствовать, чтобы обожаемый предметЪ лишился бытія, и превратился вЪ ничто; и что осталося едино тщетное напоминовеніе, кое ежедневно со временемЪ протекаетЪ. Я уступилЪ слабому свѣту неоснователь-

вательной надежды; я предложилЪ тебѣ слѣдовать со мною вЪ мое отечество; ты жертвовалЪ мнѣ своимЪ; и сей залогЪ дружества довершилЪ преданность мою кЪ тебѣ. Постигаешь ли ты, любезной Сальвини, перемѣну моего состоянія, когда я получилЪ вЪ Дуврѣ письмо, писанное рукою самой госпожи РиверсЪ, которая извѣстися о моемЪ возвращеніи вЪ Англію, предупреждала меня извѣстіемЪ, что дочь ея жива, что любитЪ меня не престанно, и что они возвратились вЪ прежнее ихЪ жилище; что сохраняютЪ они, прибавила она, до нашего свиданія подробное описаніе чрезвычайныхЪ приключеній; ты былЪ свидѣтелемЪ моихЪ восхищеній. Я не знаю, какЪ возмогЪ я сопротивляться толь неожидаемой вѣдомости. Всѣ чувства мои преисполнены были сладчайшаго упоенія. Я проводилЪ тебя, какЪ ты самЪ помнишь, вЪ Лондонѣ вЪ мой домЪ; а самЪ полетѣлЪ кЪ госпожѣ РиверсЪ.

Зрю я тамЪ Нелли еще прекраснѣе, еще не сравненно любезнѣе, нежели какЪ она была. Хочу начать рѣчь, и не могу ничего произнесть кромѣ восклицаній, при которыхЪ повергаюсь кЪ ея ногамЪ безЪ памяти; прихожу вЪ чувство только для наслажденія всѣми прелестями любови; Нелли сЪ матерью своею старалися мнѣ помочь. ЗрѣлЪ я на семЪ прекрасномЪ лицѣ боязнь, смущеніе, ужасЪ и нѣжность; одна рука ея по-

ддержи

держивала меня. Прелестныя ея черныя очи устремлены были на мои съ сею сладчайшею умильностію, съ симъ сильнымъ чувствованіемъ, проницающимъ глубину души, и разливающимъ по сердцу источники услажденія. Какое зрѣлище любезный другъ! Какое сладострастіе. Почто изображеніе толь слабо противу самаго чувствованія ....Небесная красота! какъ? Я паки тебя вижу! ты мнѣ возвращена .... Ты меня навсегда будешь любить; г. Р. нѣжная мать дозволь мнѣ умереть! дозволь умереть отъ удовольствія при стопахъ твоихъ. Подлинно ли ето? Ты жива Нелли, дражайшая Нелли! я обрѣлъ обожаемую любовницу! супругу мою! .... Горю окончать сей союзъ; кто дерзнетъ со мною спорить о твоемъ сердцѣ? Какимъ ужаснымъ приключеніемъ погубилъ - было я тебя.

Госпожа Риверсъ обьяснила мнѣ всѣ ужасности заговора, составленнаго для моего и ихъ раззоренія. Одинъ сродникъ ея мужа, называемый Струлей, думалъ, что лишенъ мѣста исканіемъ моего отца; изъ сего возродилась непримиримая ненависть и нетерпѣніе отмстить. Онъ думалъ, что нашелъ случай удовольствовать оныя, воспрепятствовавъ супружеству его сродственницы; онъ часто пріѣжжалъ къ госпожѣ Риверсъ съ тѣмъ, стараяся уговорить ее, чтобы отказала она мнѣ входъ въ домъ свой. Но сія госпожа опасаясь огорчить меня, или

довести

довести до непріятельскаго какого случая, таила посѣщеніе и прозьбу Струлея; онъ не удовольствовался требованіемъ, чтобы госпожа Риверсъ отказала мнѣ отъ своего дома; но привезъ еще одного богатаго Француза, которой въ скоромъ времени учинился страстно влюбленнымъ въ ея дочь. Нелли обьявила матери своей, что соперникъ мой былъ ей ненавистенъ, и что она вѣчно никого кромѣ меня не будетъ любить. Госпожа Риверсъ не только не принуждала ее, но старалась еще сама утвердить ея въ чувствованіи и въ твердости предпріятія, чтобы не принимать ни чьей руки кромѣ моея. Но титло сродника казалося давать право моему врагу, чтобы принудить ихъ сносить присутствіе его. Струлей и Французъ зря худые успѣхи своихъ хитростей, внимая единому насилію, возъимѣрились употребить силу. Перерядясь оба, и послѣдствуемы толпою злодѣевъ, нанятыхъ ими, пріѣхали они для похищенія матери съ дочерью, повлекли ихъ въ карету, не смотря на вопли и сопротивленія ихъ. Сей молодой человѣкъ былъ самой тотъ, который палъ моимъ пораженіемъ. Одинъ изъ послѣдователей Струлеевыхъ, смотрѣвшій окончанія нашего сраженія, пересказалъ вѣрно своему господину все дѣло. Измѣнникъ возгорясь при семъ повѣствованіи, еще больше удвоилъ свое мщеніе. Госпожа Риверсъ и Нелли чрезъ три дни ѣзды увидѣли себя заключенныхъ въ нѣкую кучу древнихъ башенъ,

шенъ, болѣе подобныхъ нѣкоей темницѣ, нежели замку. Оный лежалъ между трехъ неприступныхъ горъ; казался быть отдаленъ отъ всея земли. Тамъ-то нещастныя сіи принуждены были жить въ слезахъ и отчаяніи; Нелли не могла забыть меня. Жена и дочь сего варвара толико же немилосердыя, каковъ онъ, хранили не усыпно нещастныхъ невольницъ своихъ. Наконецъ нѣкоторымъ чуднымъ образомъ, помощію одного честнаго служителя, сжалившагося на ихъ участь, вырвались они, и убѣжали въ Лондонъ, гдѣ скрытно жили между обывателями предмѣстія. Отъ сего самаго служителя, освободившаго ихъ, узнали они, что господинъ его писалъ ко мнѣ безъ имени письмо, въ коемъ извѣщалось о ихъ смерти. Первое ихъ стараніе было узнать обо мнѣ; извѣстны были въ моемъ отечествѣ о моемъ путешествіи; но не знали точно, гдѣ должно кончиться сіе путешествіе. Извѣстіе о удаленіи Струлеа въ чужіе краи, учинило свободными госпожу Риверсъ и ея дочь казаться въ свѣтѣ, и жить въ своемъ домѣ. Едва успѣли они перейти въ него, какъ услышали отъ одного изъ друзей моихъ о моемъ прибытіи въ Англію: тотчасъ написали они письмо въ Дувръ . . . . Сальвини! я паки узрѣлъ владычицу моея души. Печали наши разсѣяны; Нелли была при смерти; но едва успѣли ей объявить о моемъ возвращеніи. Какъ красота ея прелестная возвратились съ

жизнію

жизнію и съ надеждою соединенія. Госпожа Риверсъ сдѣлалась больна; я упросилъ ее занять покой въ моемъ за́мкѣ. Сія предосторожность защищаетъ ихъ отъ злодѣйствъ негоднаго сродника, который могъ бы имъ приключить вновь какія нибудь безпокойства. Дядя мой, заемлющій мѣсто отца, съ удовольствіемъ хочетъ присудствовать при моемъ бракѣ. Все готово, все готово для сего толь долго отлагавшагося брака - - - Все готово? Перервалъ Сальвини - - - Такъ Любезный другъ; скоро буду я обладать прекраснѣйшею и добродѣтельнѣйшею женщиною; сочувствуешь ли ты мое благополучіе? Италіянецъ не отвѣчая ему, продолжаетъ: такъ ты женишся на ней - - - Чрезъ нѣсколько дней совершатся всѣ мои желанія: прости любезный другъ, прости меня, что я сумнѣвался открыть тебѣ тайну моего се́рдца; въ семъ только случаѣ хранилъ я противу тебя скромность. Я повторяю тебѣ, что я столько же ревнивъ, сколько страстенъ; и надобно, чтобы мнѣніе мое, довѣрность моя . . . . . . Въ разсужденіи тебя чувствія мои безпредѣльны . . . . Колико буду я благополученъ. Любовь, дружба, всѣ удовольствія, всѣ добродѣтели расточать будутъ прелести свои на мою жизнь.

Служитель входитъ въ самое то время; онъ пришелъ отъ госпожи Риверсъ просить Лорда къ ней въ комнату. Адельсонъ объемлетъ

летъ живописца, который наконецъ остается одинъ.

Первое его движеніе было то, что вздохнувъ, схватилъ голову обѣими руками, и облокотясь на столъ, пребылъ почти четверть часа въ семъ безпамятствѣ, потомъ сталъ поспѣшно ходить, возводя къ небу взоры, воздыхая и ударяя себя въ грудь, какъ будто желая поразить сердце . . Въ присутствіи Нелли бываетъ задумчивѣе и мрачнѣе. Пріятные разговоры, ласки Адельсона не могутъ разгнать сея задумчивости, становившейся ежедневно сильнѣе; тщетно попрекалъ онъ его тѣмъ безпрестанно: неужто есть какая грусть, говаривалъ онъ ему, которую ты желаешь сокрыть отъ твоего друга? Ты знаешь, сколько я тебя люблю. Ахъ Милордъ! отвѣчалъ ему Сальвини прерывающимся голосомъ: я не достоинъ сихъ чувствій: нѣтъ не достоинъ я ихъ . . . . Я ничего кромѣ соболѣзнованій не достоинъ . . . . Скажи лучше любезный Сальвини дружбы нѣжнѣйшей. При семъ словѣ бросается Агличанинъ въ объятія молодаго человѣка, который его отталкиваетъ, воздыхаетъ . . . . Какъ ты вздыхаешь; кажется отвергаешь ты мое чистосердечіе, Сальвини, прошу тебя, изъясни мнѣ, сокровища, богатство . . . . Ахъ Милордъ, богатство ли дѣлаетъ людей благополучными! Милордъ, дозволь мнѣ возвратиться въ Римъ, убѣгать всего свѣта.

Увы!

Увы! почто не могу я самъ отъ себя уйти; жизнь моя мнѣ противна! свѣтъ меня безпокоитъ: желалъ бы я погруженъ быть во мрачнѣйшей пустынѣ: нѣтъ довольно глубокой бездны . . . .

Не можетъ онъ окончать рѣчи; ручьи слезъ прерываютъ его слова. Адельсонъ, пораженный удивленіемъ, не можетъ постигнуть, отъ чего родилось толь нечаянное и скорое возмущеніе въ душѣ и выраженіяхъ Италіанца; чѣмъ больше изъяснялъ онъ ему дружбу свою, тѣмъ сильнѣе видима была грусть Сальвиніева.

Лордъ сыскалъ Нелли; началъ ей говорить: извѣстно тебѣ, что Сальвини послѣ тебя имѣетъ первое мѣсто въ моемъ сердцѣ: совокупи свои старанія съ моими, чтобы удержать его здѣсь: онъ отъ природы задумчивъ: не знаю, что могло раздражить его свирѣпый нравъ: не только что не можетъ онъ меня ни чѣмъ попрекнуть; но я еще усугубилъ мое вниманіе, попеченія мои: онъ мнѣ драгоцѣннѣе становится: но онъ хочетъ возвратиться въ Италію: я признаюсь тебѣ, что отъѣздъ его весьма меня огорчитъ: я желалъ бы, чтобъ ничто благополучія того, которое я отъ тебя имѣть буду, не возмутило. Нелли! онъ проливалъ слезы, и я не могу проникнуть сей глубокой печали! вашъ полъ толико имѣетъ власти надъ

нашимъ! кто можетъ сопротивиться вашимъ прелестямъ! дражайшая Нелли! я заклинаю тебя: поди посмотри Сальвинія: ему не возможно будетъ не открыть тебѣ причину преслѣдующаго его зла: болѣзнь сія вовлечетъ его въ гробъ: дай ему почувствовать мою дружбу, выгоду, какая отъ нее можетъ быть: однимъ словомъ убѣди его остаться съ нами! ты успѣешь въ томъ Нелли! одно слово изъ прекрасныхъ устъ твоихъ сильно удалить его навсегда отъ его отечества. Я увѣренъ, что ты въ силахъ его удержать.

Разговоръ съ Лордомъ, увѣренія его о дружбѣ умножили ядъ, снѣдающій дни Италіанца; приближался тотъ часъ, въ которой Нелли должна быть супругою Адельсона. Сальвини казался убѣгающимъ свѣта, запершись въ своей горницѣ; предавался онъ сему мрачному отчаянію, коего причину онъ дотолѣ боялся испытывать. Наконецъ размотрѣвъ глубину своего сердца, вскричалъ: *такъ я люблю!* я люблю, кто же предметъ моей любви, страсти жесточайшей, неукротимѣйшей и беззаконнѣйшей? Ахъ Сальвини! какъ можешь ты сіе подумать? Сіе злодѣяніе я дѣлаю! я востаю противу довѣренности, противу чести, противу моего благодѣтеля, друга моего. При семъ названіи чувствую всю великость моего преступленія, и ужасаюся самого себя. . . . Но развѣ не могу я умереть; началъ онъ опять

тать говорить, помолчавъ нѣсколько: смерть едина можетъ возвратить мнѣ спокойствіе, воспрепятствуетъ очернить себя злодѣяніемъ .... Она исторгнетъ изъ сердца моего сей образъ, который пламенными чертами впечатлѣлся въ немъ. Я еще имѣю столько добродѣтели, чтобы видѣть бездну, въ которую повергаюся; возъимѣемъ же и силы столько, сколько потребно къ разорванію таковыхъ узъ; спасемъ себя отъ ужасной необходимости измѣнить почтеннѣйшему и лучшему изъ человѣческаго рода.

Сальвини не успѣлъ окончать сихъ словъ, какъ вознамѣрился выттти изъ дому, не простясь съ Лордомъ .... Поспѣшимъ удалиться жилища, въ которомъ подверженъ я искушенію сдѣлаться виновнѣйшимъ злодѣемъ .... Но что подумать можетъ Адельсонъ о семъ поступкѣ? Онъ будетъ обвинять меня неблагодарностію! дай Богъ, чтобы не могъ онъ причитать мнѣ еще ужаснѣйшаго порока! не правъ ли я буду въ совѣсти? Я буду вѣдать, что учинилъ я долгъ мой; можетъ быть послѣ увѣдомлю я друга моего о причинѣ, побудившей удалиться отъ его общества; онъ больше еще меня будетъ почитать; по крайней мѣрѣ будетъ онъ обо мнѣ сожалѣть; уйдемъ; еще я не преступилъ явно добродѣтели.

Сальвини упражнялся въ приготовленіяхъ къ своему путешествію; но между тѣмъ иногда быстрота его уменьшалась. И такъ я предпринялъ, говорилъ онъ тогда, разлучиться навсегда . - ' - - Смѣю ли я произнести сіе имя? Ахъ нещастный! недруга ты своего жалѣешь!

Наконецъ все было готово! Сальвиній долженъ былъ оставить Адельсона, не видавъ его! написалъ онъ ему письмо, въ которомъ увѣряетъ его о вѣчной своей благодарности, и въ коемъ довольствуется только сказать, что нѣкоторыя причины, о которыхъ со временемъ онъ его увѣдомитъ, принуждаютъ его удалиться, не отлагая времени. Наконецъ объявляетъ ему мѣсто, куда можетъ Лордъ пересылать письма, и извѣщать о своемъ состояніи. Сей нещастный молодой человѣкъ боролся такимъ образомъ самъ съ собою: сохранялъ свою добродѣтель, честь свою: не былъ еще онъ виновенъ: хочетъ выйти изъ горницы, въ кою уже онъ никогда не войдетъ: не узритъ уже онъ предмета, коего и наименовать страшится: сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, лишается силъ: падаетъ въ креслы, вскричавъ изъ глубины сердца: что! такъ я не могу ее оставить! развѣ опредѣлено, чтобы я осквернился измѣною . . . Нѣтъ не буду я столь низокъ, не буду толико врагъ всѣмъ правамъ чести, чтобы уступилъ ужасной сей склонности! что меня удержи-

удерживаетЪ! онЪ силится востать; идетЪ, и паки повергается. Сальвини удручается источникомЪ слезЪ. Нелли торжествуетЪ, вскричалЪ онЪ! какое признаніе излетѣло изЪ устЪ! какЪ могЪ я возъимѣть страсть, о которой и помышлять мнѣ не должно! АдельсонЪ предупредилЪ всѣ мои желанія; онЪ осыпалЪ меня благодѣяніями; и во мзду толь великодушнаго дружества я буду его соперникомЪ, по чему я вѣдаю, вЪ какое заблужденіе ввергнетЪ меня любовь, которую уже побѣдить я не вЪ силахЪ: ежели я останусь еще долѣе здѣсь жить, то я не могу за себя отвѣчать: нѣтЪ не могу я отвѣчать за себя: будущее представляетЪ мнѣ изображеніе - - - - Кое предупредить должно!

Не медля бросается онЪ кЪ шпагѣ; она была уже у его грудей. Нелли входитЪ; рука Сальвиніева останавляется. Нелли кидается кЪ нему; что ты нещастный намѣренЪ дѣлать? Пронзить грудь мою тысячью ударами, лишить себя ненавистной мнѣ жизни. АхЪ сударыня! вамЪ ли должно мнѣ помогать!

Нелли никогда столь прелестна не бывала, какЪ вЪ то время; пріятности ея ничего не заимствовали отЪ искусства; по живности ея груди можно было судить, что встала она не давно отЪ сна; а сія минута всегда есть торжествомЪ красоты; живописецЪ чувствовалЪ непостижимое смущеніе.

Нелли беретъ ево ласкаво за руку; чувствуетъ ее трепещущею; велитъ ему сесть подлѣ себя; трепетъ разлился по всѣмъ его членамъ. Государь мой, начала она ему говорить прелестнѣйшимъ голосомъ пожалуйте успокойтесь, и удостойте меня обьявленіемъ, отъ чего бы могло произойти безпримѣрное сіе отчаяніе: вы знаете, сколько Милордъ васъ любитъ: онъ уговорилъ меня васъ видѣть; и я благодарю небо, что привело меня къ вамъ сію минуту. Кажется, что вы прилѣпилися къ чувствительнѣйшему человѣку изъ всѣхъ смертныхъ, и намѣрены его оставить! . . . Что я вижу? Все являетъ вашъ отъѣздъ! вы отъ насъ бѣжите! пожалуйте скажите, что за грусть снѣдаетъ вашу душу; можетъ ли какая нибудь скорбь быть столь сильна, чтобы дружба не могла ее облегчить. Сальвини поминутно возводилъ на нея глаза свои, полныя слезъ. Наконецъ уступаетъ своему восхищенію —— Нѣтъ сударыня, я васъ не оставлю, Я умру . . . . При стопахъ Адельсона; буду васъ видѣть . . . . - А . . . Вы скоро будете его супругою —— Мы ожидали только Милорда Бермона его дядю, коего дѣла задержали въ Лондонѣ; онъ теперь только пріѣхалъ. Сальвини прерываетъ: такъ теперь не осталось никакого препятствія вашему браку? —— Нѣтъ не страшуся я теперь никакой отсрочки. Ваше присутствіе увеличитъ наше благополучіе —— Ахъ щастіе сіе не для меня!

Саль-

Сальвини опасаясь, не сказалъ ли ужѐ и такъ лишнее, перемѣня голосъ, на́чалъ такимъ образомъ. Зрѣлище благоденьствія *раздражаетъ* мое зло: таково самонравіе или паче адская сила нрава, коего я укротить, нижѐ умягчить не въ силахъ. Нѣтъ ни единаго человѣка въ свѣтѣ, кто бы меня любилъ. Нѣтъ ни одного..... Адельсонъ одинъ будетъ вкушать величайшее щастіе —— Развѣ вы забыли, что онъ вашъ другъ. Сальвини! жалобы ваши не справедливы; вы намъ обѣимъ милы. —— Я вамъ милъ? Сударыня.... Какъ? вы пріемлете участіе въ судьбѣ нещастнѣйшаго..... Который издыхаетъ —— Живите для раздѣленія нашего удовольствія —— И вамъ это будетъ пріятно? —— Можете ли вы сумнѣваться въ томъ? Адельсонъ все для меня дѣлаетъ; я храню къ нему благодарность, почтеніе, нѣжность..... Боже мой! что съ вами сдѣлалось..... Блѣдность.....

Нелли не могла окончать. Сальвини лишился чувствъ, приходитъ въ себя, встаетъ стремительно —— Я возмущу собою толь долго ожидаемое торжество..... Мнѣ не должно кромѣ печали ничего чувствовать. Надлежитъ удалиться отъ васъ навсегда, бѣжать Адельсона..... Онъ причинилъ всѣ мои заключенія —— Сальвини изъяснитесь —— Такъ, онъ сдѣлалъ меня нещастливѣйшимъ изъ смертныхъ.... Я не знаю, сударыня..... Я заблуждаюсь

юсь - - - - Пожалуйте дозвольте удалиться мнѣ отъ сихъ мѣстъ, изъ Англіи . . . . Погрести себя - - - - Умереть - - - - Сжальтесь надъ моимъ состояніемъ сударыня, оно ужасно.

Воздыханія и ручьи слезъ прервали слово Сальвинію. Нелли увѣрена будучи, что различныя сіи движенія ничто иное суть, какъ дѣйствіе мрачной Меланхоліи, удвояетъ свои прозьбы, и отъ часу является ему прекраснѣе. Италіанецъ мнилъ слышать и зрѣть нѣкое божество. Каждое слово сея прекрасныя дѣвицы вливало въ душу его утѣшительное нѣкое врачество. Она оканчиваетъ разговоръ сей усильнѣю прозьбою остаться съ ними. Сальвини, промолвила она съ сею поражающею пріятностію, коея власть не ограничена, я повелѣваю вамъ сіе. Восхищенный живописецъ отвѣтствуетъ: я внемлю, сударыня, самое небо: повинуюсь: Милордъ можетъ надѣяться побѣдить, когда повелѣваетъ вашими устами.

Нелли спѣшитъ увѣдомить Адельсона о успѣхѣ своего разговора. Не сумнѣваются они, чтобы Сальвини не былъ удручаемъ черножелчіемъ, отъ коего она его излѣчила. Увы! Нелли болѣзнь сія такова, что съ нею весьма осторожно обходиться надлежитъ . . Я испыталъ сіе собою: грусть есть зло найжесточайшее: правда, что

другъ

другЪ нашЪ не имѣетЪ никакой причины такЪ огорчаться; но намЪ должно взирать только на его состояніе! довольно для возбужденія нашего сожалѣнія и стараній о немЪ того, что онЪ страждетЪ.

Сальвини не медленно началЪ изслѣдовать почто согласился онЪ столь легко на прозьбы Нелли —— Почто не могу я ничего учинить, кромѣ послушанія? . . . . Но о чемЪ вопрошать? . . . . Развѣ Нелли не владычествуетЪ моею душею . . . ТакЪ вотЪ учинился и я преступникомЪ —— АхЪ АдельсонЪ! АдельсонЪ, какЪ возмогу я снести твое присутствіе? Но нѣтЪ, не оскорблю я тебя; я буду довольствоваться зрѣніемЪ Нелли; стану ее почитать тайно, и умру, ее обожая. ВЪ семЪ единомЪ услажденіи заключу себя . . . . Но могу ли льститься тогда наложить законЪ страсти своей, когда готовЪ все изъяснити.

АдельсонЪ между служителями имѣлЪ одного Сициліанца, коего звали Жеронію. Сему служителю поручено было услуживать Сальвинію; имѣлЪ онЪ проницательное и проворное свойство; и потому примѣтилЪ смущеніе, кое тщетно живописецЪ сокрыть тщился; слыхалЪ онЪ часто его воздыхающаго; не разЪ заставалЪ его цѣлующаго, и обливающаго слезами одно личное изображеніе. ВЪ одинЪ день Сальвини забылЪ спрятать сіе изображеніе; Жеронію

 его

его находитъ. Не трудно ему было познать, кого представляла сія живопись, тогда утверждается уже служитель въ подозрѣніяхъ, въ коихъ сперва онъ не твердо былъ увѣренъ.

Въ одинъ вечеръ, когда Италіанецъ былъ болѣе обыкновеннаго огорченъ, Жероніо показалъ о немъ свое сожалѣніе. Простите мнѣ, Милостивый государь, дерзновеніе мое, хотя я слуга, но чувствителенъ, и ваше состояніе меня жестоко поражаетъ. Сальвини засвидѣтельствовалъ свою благодарность Сициліанцу, который умѣлъ искусно и мало помалу довести живописца до нескромнаго признанія о страсти своей къ Нелли. Сего только Жероніо и ожидалъ, который овладѣвъ душею Сальвинія, не мало споспѣшествовалъ вовлечи его въ бездну, изъ коея нещастный сей молодый человѣкъ спастися желалъ; толико трудно защищать себя отъ ласкательства. Любезный Жероніо, повторялъ часто нещастный, я погибъ: я умираю отъ любви, отъ грусти и отъ раскаянія: могу ли я не чувствовать, что обижаю своего друга, хотя и скрывалъ я понынѣ сію тайну; не свѣдома она никому кромѣ меня и тебя! но я развѣ не знаю, что люблю, что питаю вредную сію нѣжность, и что я виновецъ: не вылетаетъ ни единаго вздоха, который не былъ бы злодѣяніемъ: и при всемъ томъ не имѣю столько силы, чтобы исторгнуть

себя

себя отъ сихъ мѣстъ! желаніе мое столь слабо! непобѣдимая прелесть меня удерживаетъ! но какой же конецъ будетъ всѣмъ симъ мученіямъ.

Безсовѣстный слуга употребилъ всю хитрость своего злодѣйства для удаленія отъ Сальвинія благополучныхъ разскаяній, и возвращалъ его паки къ симъ чувствованіямъ, дѣлавшимъ его преступникомъ.

Адельсонъ хотя былъ изъ ревнивѣйшихъ людей въ свѣтѣ; удаленъ однако былъ мыслями, чтобы имѣть соперника въ другѣ. Не воображалъ онъ, чтобы страсти могли до такой степени совратить сердце человѣческое; часто исторгалъ онъ нѣкоторымъ образомъ Сальвини изъ его горницы, и приводилъ его силою къ г. Риверсъ и ея дочери; не переставалъ прославлять ему пріятства своей любовницы; описывалъ о ней съ восхищеніемъ любовника щастіе, коимъ вскорѣ будетъ наслаждаться. Италіанецъ страшился тогда встрѣтить его очи, такъ какъ взоры Нелли; смущеніе его являлося даже въ его поступкахъ; добродѣтели не извѣстно таковое затрудненіе.

Радость и спокойствіе сотворены только для нее. Но сердце, наполненное угрызеніемъ и разскаяніемъ, не можетъ ни спокойно ни благополучно быть. Адельсонъ не долженствовалъ однако имѣть столько безопасно-

пасности; странное одно приключенie долженствовало послужить къ его просвѣщенiю.

Лордъ изыскивалъ всѣ средства для забавы Нелли, до прибытiя Милорда Бермонда, послѣ котораго долженствовалъ совершиться бракъ его. Представлялъ онъ ей охоту, рыбныя ловли, но думая, что избраннѣйшая и достойнѣйшая чувствительной души забава привяжетъ ея паче; повелѣлъ онъ сдѣлать малый театръ въ своемъ замкѣ, и пригласилъ многiя сосѣдственыя общества къ произведенiю своего предпрiятiя.

Предложилъ, чтобы представить знаменитую трагедiю Ромео и Iюлiи. Нелли имѣла роль Героини сея Драммы, и непредвидимою сульбою нечаянности. Адельсонъ желалъ, дабы живописецъ, столь искусный въ Аглинскомъ языкѣ, принялъ лице Ромеа. Никогда не видалъ никто столь живо представляемаго любовника; все собранiе плесками изъявляло свое благоволенiе. Италiанецъ присовокуплялъ къ рѣчамъ много. Въ трагедiи не Ромео ужѐ изъяснялся, но самъ Сальвини со всѣми восхищенiями. Нелли не знала, что думать о сихъ прибавленiяхъ; тщетно напоминала она ему роль его; онъ внималъ единой любви. Адельсонъ и зрители приписывали то дарованiю молодаго человѣка, что проистекало отъ чрезмѣрныя страсти; наконецъ казался онъ играющимъ

щимъ съ такимъ жаромъ и истинною, что ранилъ онъ себя опасно въ дѣйствіи, гдѣ Ромео закалается. Отнесли его при шумѣ восклицаній, обагреннаго кровію его. Другъ его летитъ на помощь. Ахъ! вскричалъ тогда Сальвини, умирая: оставте меня умереть: она у меня похищенна: и я владѣть ею не могу! Адельсонъ думалъ, что раненый въ изступленіи, и что наполненый имѣлъ еще мысли представленнымъ лицемъ; старался истребить то, что нарицалъ онъ заблужденіемъ, и что въ самой вещи было истиннымъ чувствіемъ.

Старанія, прилагаемыя о излѣченіи Сальвини, принудили его, можно сказать, паки ожить, но болѣе порабощеннаго, нежели прежде склонности бѣдственной, вкупѣ и порочной.

Какимъ сладостнѣйшимъ упоеніемъ преисполненъ я былъ, говорилъ онъ своему служителю, когда позволено мнѣ было читать въ очахъ дражайшей Нелли, и устремлять на то все мое движеніе! съ какимъ восхищеніемъ, съ какимъ жаромъ говорилъ ей Ромео о своей нѣжности! въ какомъ восторгѣ былъ я, когда изъясняла она взаимную склонность. Ахъ! Жероніо, я не Іюлію слышалъ; внималъ я самую Нелли! я дватцать разъ заставлялъ повторять ее себѣ, что любимъ ею. Я умереть желалъ при ее стопахъ отъ чрезмѣрнаго удовольствія,

кое я тогда вкушалЪ. Нещастный! вотЪ какЪ обманывалЪ я свою страсть! сколь прелестна она; когда имя любви произноситЪ . . . . . АдельсонЪ, ты будешь благополучнѣйшій изЪ смертныхЪ. Лице, представленное мною, не приводило меня вЪ заблужденіе; зналЪ я, что благополучіе мое изчезнетЪ; и для того хотѣлЪ я воспользоваться выгодами лица того, чтобЪ избавиться отЪ своего существованія, кое мнѣ не сносно. Почто возвратили мнѣ жизнь? Я умерЪ бы подлѣ Нелли; я зрѣлЪ ее, обожалЪ, и умиралЪ вЪ прелестномЪ заблужденіи, что можетЪ быть сама Нелли, а не Іюлія изЪясняласъ. . . . АхЪ жестокій другЪ! таковы ли твои благодѣянія. - - - - Но куда вовлекаютЪ меня расточенныя и преступническія мои мысли! Жероніо, я самЪ себя отвращаюсь, страшусь . . . . . Я чувствую, что все вЪ состояніи учинить.

СлужительЪ оставилЪ Сальвини на нѣсколько времени; но вскорѣ возвратился поспѣшно назадЪ —— Милостивой государь, МилордЪ БермондЪ чрезЪ три дни будетЪ сюда; дѣла его окончены; чрезЪ три дни Нелли будетЪ супругою Адельсона. Время весьма коротко.

Злодѣй смотритЪ пристально на живописца, продолжаетЪ: чтожЪ вы предпріемлете? Что предпріемлю! —— То чтобы пронзить себѣ сердце. НѣтЪ не буду я

свидѣ-

свидѣтелемъ щастія Адельсонова, не буду; не могу быть . . . Какъ! чрезъ три дни столько прелестей . . . Жероніо, ты другъ мнѣ, единственный другъ! отъ тебя только одного ожидаю я помощи . . . Ну! отвѣтствуетъ невѣрный Сициліанецъ, чувствуете ли довольно бодрости быть благополучнымъ. —— Да я готовъ все учинить. . . . Чрезъ три дни сказываешь ты? Говори: есть ли какое нибудь средство удалить по крайней мѣрѣ сей бракъ . . . . . Не нарушая однако дружбы? —— Пожалуйте скажите мнѣ, что вы подъ именемъ дружбы рузумѣете? Адельсонъ не нещастнѣйшимъ ли дѣлаетъ васъ человѣкомъ въ свѣтѣ: онъ познакомилъ васъ съ Нелли: не долженъ ли онъ былъ видѣть, что вы влюбитесь въ нее, когда онъ самъ не могъ противу стоять ея прелестямъ. Но онъ удовольствіе находитъ терзать ваше сердце; онъ забавляется тайнымъ вашимъ мученіемъ. Подлинно, что образъ страданія другихъ увеличиваетъ наше благополучіе. Милордъ не толь сильно его бы вкушалъ, естьли бы не зрѣлъ вашего томленія: не думайте, чтобы не примѣчалъ онъ вашей любви: нѣтъ онъ смѣется ей съ своею любовницею, и можетъ быть сей часъ. . . .

Сальвини прерываетъ его рѣчь, прибѣжавъ къ нему —— Онъ смѣется. —— Что ты нещастный! ты хочешь излить ядъ въ душу мою . . . . Чтобъ я отвергъ; нѣтъ, не погружу

тружу я себя вѣ такое злодѣяніе; не забуду должности своей; не ввергнусь во ужаснѣйшую неблагодарность . . . Пусть совокупится Адельсонѣ сѣ Нелли, пусть будетѣ онѣ благополучнымѣ; я умру . . . Жестокой, мнѣ смерть нужна, я просилѣ у тебя смерти. Желѣзо, ядѣ . . . Или что нибудь, что можетѣ скорѣе лишить меня жизни; ну проворнѣе! вотѣ услуга, которой я требую отѣ твоея вѣрности. Развѣ вы думаете, отвѣчалѣ Жероніо, что смерть ваша оскорбитѣ очень Адельсона? Полно, вскричалѣ Сальвини, проливая источники слезѣ; негодный! ты играешѣ моею слабостію: не отваживайся никогда такѣ со мною говорить: я открою все другу: ступай сѣ глазѣ моихѣ,

Жероніо удаляется. Сальвини зоветѣ его паки — Ты подлинно знаешь, что Милордѣ Бермондѣ скоро будетѣ? — Адельсонѣ вамѣ о томѣ самѣ скажетѣ. Онѣ получилѣ письмо отѣ дяди своего; и извѣстіе сіе разлило радость по всему замку — Радость . . . . Всѣ довольны, а я вѣ бездне золѣ — Отѣ васѣ зависитѣ выпти изѣ оной. Но вы не премѣнно хочете быть жертвою нещастія. Ступайте разскажите, когда угодно Милорду, что я кѣ вамѣ толико привязанѣ; я достоинѣ за то наказанія.

Хитрый Жероніо при сихѣ словахѣ проливалѣ притворно слезы. Сальвини облегшись

шись на руку, погруженъ былъ въ глубокую задумчивость; и вдругъ, какъ бы проснувшись, вскричалъ —— Определи мою судьбу, что мнѣ дѣлать —— Уступите моимъ совѣтамъ; они къ вашему только благоденствію стремятся: остается времяни до полуночи разсуждать, въ отчаяніи ли окончать дни свои, или владѣть Нелли —— Имѣть Нелли! что ты говоришь? —— Я ни слова больше не скажу о томъ, однако повторяю еще: подумайте хорошенько: справьтесь съ своимъ сердцемъ: определите, и избирайте или смерть, коею вы довольно ускорить не можете, или Нелли, которую можете имѣть въ рукахъ своихъ.

Сальвини хочетъ вопрошать слугу; но онъ ужѐ удалился.

Возможно ли, вскричалъ тогда живописецъ: не сонъ ли меня прельщаетъ? Нелли можетъ быть моя? Предаваться ли сему заблужденію?

Въ самое то время входитъ Адельсонъ; Сальвини раздѣлитъ нашу радость; я достигъ на верьхъ моего благоденствія; дядя мой пишетъ ко мнѣ, что скоро возвратится; и я женюсь на дражайшей моей Нелли! ты будешь на семъ праздникѣ. —— Избавте меня . . . . . Такія зрѣлища, какъ ужѐ я сказывалъ, умножаютъ жестокость снѣдающаго меня зла: —— Развѣ вы не

 уча-

участвуете въ моемъ благополучіи? Больше нежели вы думаете, отвѣтствовалъ Сальвини голосомъ, показующимъ ужасное его состояніе, но, ... Не удерживая меня, позвольте съ вами на вѣкъ проститься: благодарность моя навсегда пребудетъ: — Любезный другъ, я вооружусь противъ сей задумчивости, которая въ самой вещи тебя погубить хочетъ: пожалуй будь почаще съ людьми: тебя я перваго приглашаю на свою свадьбу. На свадьбу вашу? Прервалъ Италіанецъ: ну такъ вы должны будете притащить меня туда полумертваго — Что это? Ты по этому твердо намѣренъ питать въ себѣ мрачную сію грусть. Нѣтъ Сальвини, я не послушаю тебя въ томъ! другъ мой не отмѣнно долженъ участвовать въ моемъ удовольствіи, такъ какъ я пріемлю участіе въ его болѣзни, потому что я могу тебѣ сказать: ты самъ не вѣдаешь причины скорби своей. — Нѣтъ Милордъ, я знаю ее, и для того то, что, что мнѣ источникъ ея свѣдомъ — Источникъ ее свѣдомъ тебѣ? Скажи, открой мнѣ для Бога.

Сальвини поспѣшно оставляетъ Адельсона, который заблуждаяся изъ мысли въ мысль, не вѣдалъ чему приписать причину сей болѣзни, которую нарицалъ онъ нелюдимостію чужестранца.

Назначенный часъ наконецъ наступилъ; Сальвини узрѣлъ Жероніо: надумались ли вы,

вы, сказалъ ему невѣрный Сициліанецъ —— Жероніо, о чемъ ты мнѣ говоришь? Я знаю, чего хочу? Какому чувствію долженъ я предаться? Что я сталъ? Душа моя въ жесточайшемъ волненіи . . . . Что дѣлать? Ненавидѣть ли мнѣ Адельсона? Или пасть ему въ ноги? Открыть ему все . . Умереть въ слезахъ? Не нужно ни слезъ проливать, ни лишаться жизни, отвѣчалъ Жероніо: но должно вамъ вооружиться твердымъ предпріятіемъ, и думать о своемъ благоденствіи. Теперь все въ глубокомъ снѣ; ступайте со мною.

Сальвини въ замѣшательствѣ, внѣ себя, имѣя мысли смущенны, слѣдуетъ предводительству слуги своего. Темнота была чрезмѣрная. Они проходятъ дворъ, и приближась къ стѣнѣ звѣринца, нещастный Сальвини влекомъ почти былъ злодѣемъ; Жероніо не вѣдая намѣренія сего поступка, готовъ былъ пасть подъ пораженіемъ зла, его угнѣтающаго.

Человѣкъ, обернувшійся въ епанчу, предсталъ предъ Италіанца: вы ли тотъ человѣкъ, который любитъ Нелли? Сальвини смутясь отъ сего вопроса, подумавъ, что отвѣчать; наконецъ оставя страхъ, причиненный ему симъ неожидаемымъ словомъ —— Я не могу отрещись; такъ я люблю ее, я обожаю Нелли . . . . Я погубилъ разумъ: чувствую только найсильнѣйшую

нѣйшую къ ней любовь: знаю, что влекуся чрезъ то въ преступленіе: Адельсонъ есть мой благодѣтель - - - Другъ мой. Вашъ другъ! прервалъ незнакомый, вы не имѣете свирѣпѣйшаго врага —— Что вы говорите! —— Развѣ вы не согласитесь, что Нелли вамъ любезна —— Столько, что я не въ силахъ изъяснить; а сіе то дѣлаетъ меня ненавистнымъ самому себѣ —— Вы зрите единое препятствіе вашему благополучію въ Адельсонѣ; безъ него Нелли любила бы васъ —— Нелли бы меня любила! —— Да, можетъ была бы вашею супругою —— Боже! О небо. Кто бы вы таковы ни были, оставьте меня . . . . Оставьте меня! —— Я могъ бы, продолжалъ незнакомый, располагать ея судьбою; я повторяю вамъ: я могъ бы отдать вамъ ея въ руки. Постойте, перервалъ Сальвини . . . Вы поражаете сердце мое неожидаемымъ и ужаснѣйшимъ ударомъ. Нелли могла быть моя безъ Адельсона! я могъ бы имѣть ея нѣжность! руку ея . . . . Боже мой! дайте мнѣ хотя минуту опомниться . . . . Не могу я снести сего воображенія . . . . Жестокія, отступите отъ меня: я еще добродѣтеленъ.

Италіанецъ упадаетъ на землю при корнѣ одного дерева; предается бурливости своихъ страстей; душа его отъ таковаго сраженія готова была оставить. Измѣнникъ Жероніо остается при немъ —— Милостивый

стивый государь должно вамъ не отмѣнно рѣшиться: времени остается не много: согласитесь на то, что отъ васъ требовано будетъ, такъ вы всѣ желанія свои узрите совершенны. Ну что .... Что же? Отвѣчалъ Сальвини робкимъ голосомъ, я обѣщаю .... Сдѣлаю .... Нѣтъ я не въ силахъ измѣнить дружбѣ, чести. Прощайте государь мой, сказалъ тогда незнакомецъ: по извѣщенію вѣрнаго сего служителя принималъ я участіе въ вашей скорби: вы отрицаетесь меня выслушать. Нелли не имѣетъ для васъ ничего прелестнаго; она могла бы вашею женою быть; но чрезъ два дни будетъ женою Адельсона. —— Ужасна для меня сія мысль .... Государь мой, кто вы таковы? Нелли вамъ по этому подвластна! —— Мнѣ нѣтъ нужды объявлять вамъ о себѣ: понеже услуги мои вамъ безполезны: узнали бы вы мое имя, естьли бы вы ихъ приняли. Я и такъ долго здѣсь былъ; теперь я оставляю васъ; не думайте когда нибудь меня паки видѣть.

Незнакомый отошелъ было нѣсколько шаговъ отъ нещастнаго Сальвини, который поверженъ былъ жестокостію своего состоянія —— Жероніо ... Жероніо .... Бѣги за нимъ, чтобы онъ воротился ... Мнѣ надо съ нимъ поговорить .... [Сициліанецъ привелъ назадъ искусителя] Я вознамѣрился, государь мой, все учинить, все ... Но берегись предложить мнѣ ....

 Веду-

Вздумайте . . . . Пронзить мое сердце. Ежели должно, чтоб Адельсонъ. —— Не опасайтесь ничего о его жизни; она въ безопасности; никто не умышляетъ противу ее. Стараются только воспрепятствовать браку его съ Нелли, и вспомоществовать въ вашей любви. Вотъ все намѣреніе! выслушайте меня, и разсудите все, что я вамъ предложу: судьба ваша у васъ въ рукахъ: остается два дни для исполненія моего предпріятія. По прошествіи сего срока нещастіе ваще будетъ не возвратимо.

Надлежитъ, чтобы завтрешній или послѣ завтрешній вечеръ уговорили вы Адельсона прогуляться подлѣ сихъ стѣнъ; вамъ надлежитъ удержать его до того времени, какъ я явлюсь къ вамъ съ нѣкоторыми друзьями. Мы возмемъ его, не причиняя ему ни малаго вреда, отведемъ на приготовленное для того судно, и отвеземъ его на немъ изъ сего острова. Нѣтъ пользы расказывать вамъ теперь о средствахъ, какія я къ тому употреблю; довольно вамъ вѣдать, что мы дадимъ ему свободу, тогда какъ вы завладѣете Нелли, то есть, когда вы на ней женитесь: я еще вамъ повторяю, что она принуждена будетъ мнѣ повиноваться, и что вы узнаете, какое право имѣю я надъ нею и надъ ея матерью, тогда какъ исполните мое требованіе.

Живопи-

Живописецъ хотѣлъ отвѣчать, душа его была возмущенна терзаема. Я все вамъ сказалъ, продолжалъ незнакомый, теперь прощайте: чѣмъ меньше вы будете желать, тѣмъ благополучнѣе быть можете.

Сальвини остается недвижимъ; потерялъ онъ голосъ; подобенъ былъ человѣку, видящему величайщую гору, висящую надъ его главою и готовую раздавить его. Въ семъ смущенiи пребываетъ около часа, и обрятясь къ злодѣю Жеронiо! вскричалъ онъ болѣзненымъ голосомъ, чтобъ я ему измѣнилъ? Я измѣню моему другу? Ахъ Боже мой!

Жеронiо повлекъ его умирающаго въ комнату его. Сонъ убѣгаетъ отъ очей сего нещастнаго. Возвращенiе дневнаго свѣта растравляетъ его только отчаянiе. Часы протекаютъ; настаетъ ночь; онъ еще ничего не опредѣлилъ. Не можетъ онъ подумать о ужасномъ предпрiятiи, которое столько бѣдствiй причинитъ его благодѣтелю и можетъ быть самую погибель. Между тѣмъ Милордъ Бермондъ возвращается. Сальвини не можетъ рѣшиться, и едва въ силахъ ходить.

Шумъ, распространившiйся по всему замку, являетъ присутствiе дяди Адельсона; Лордъ самъ приходитъ къ Италiанцу въ комнату, чтобы представить его родственнику своему. Какое зрѣлище для

Сальвини! Лордъ Бермондъ, истощающій отеческія ласки Адельсону, Госпожа Риверсъ, не могущая скрыть радости своей, и Нелли не сравненно прекраснѣе, нежели была; въ глазахъ двухъ любовниковъ написано было упоеніе близкаго ихъ щастія. Милордъ Бермондъ разпоряжаетъ все, чтобы завтрешній день сыграть свадьбу. Какой громовой ударъ сердцу человѣка, снѣдаемаго наижесточайшею страстію! бѣжитъ онъ къ Жеронію открыть грудь свою —— На вотъ сердце мое! пронзи его тысячью ударами; поспѣши лишить меня жизни; сохрани меня отъ злодѣянія. Чувствую, чувствую, что я не въ силахъ сопротивляться моей склонности . . . . . Она превозмогаетъ . . . . . Ты думаещь, что сей вечеръ насъ ждутъ подлѣ стѣны звѣринца —— Я получилъ извѣстіе, хотя они разсердилися было на васъ; однако еще желаютъ сего дня явить къ вамъ сіе снисхожденіе; завтра ужѐ случай сей потерянъ будетъ навсегда ——, Который теперь часъ? —— Почти 5[т] —— Чрезъ два часа погублю я плодъ двадцати шести лѣтъ! буду свирѣпѣйшій изъ всего рода человѣческаго: неблагодарнѣйшій, тогда ужѐ поздно будетъ возвращаться на путь добродѣтели.

Сальвини не преставалъ говорить; повергался въ кресла погруженъ въ отчаяніе; вставалъ вскорѣ, повторялъ не однократно:

но; нѣтъ, не оскверню я себя такимъ дѣйствіемъ, и чрезъ минуту: Нелли завтрѣ будетъ супругою Милорду; онъ ею владѣть будетъ . . . . . Нѣтъ, не станетъ онъ ею владѣть . . . . . Что за намѣреніе твое нещастный.

Сициліанецъ не говорилъ ни слова больше, какъ только государь мой пора. Ну пойдемъ, отвѣчалъ Италіанецъ, помолчавъ нѣсколько, и вздохнувъ изъ глубины сердца. Рѣшено все.

Приходитъ онъ къ Лорду, и нашелъ его съ дядею, госпожею Риверсъ и Нелли, коея удовольствіе и нѣжность ясно были видимы. Зрѣлище сіе воспаляетъ Италіанца яростію, и желаніе отмстить вдыхаетъ ему искусство отвлечи Адельсона отъ сего общества, и уговорить его прогуляться. Слабымъ голосомъ уговариваетъ онъ его выйти за ограду звѣринца прогулять я. Достигли они того мѣста, гдѣ должно было напасть на Адельсона, въ то самое время, когда отверзалъ онъ объятіе человѣку, преисполненному его благодѣяніями. Сальвини, говорилъ онъ ему съ благостію, безъ сумнѣнія считаю я себя щастливѣйшимъ изъ смертныхъ: завтрешній день буду имѣть я въ моихъ объятіяхъ ангела красоты и невинности: дядя мой есть для меня отецъ нанѣжнѣйшій: госпожа Риверсъ оказываетъ ко мнѣ чувствія матери: но со всѣмъ тѣмъ

я несовершеннымъ наслаждаюсь благополучіемъ! . . . Ты, ты свирѣпый другъ, препятствуешь вкушать его совершенно. Смущеніе живописца умножается: —— Какъ? Милордъ присутствіе мое смущаетъ ваше удовольствіе? —— Оно бы могло увеличить оное; тебѣ въ томъ должно быть увѣрену. Но сіе отвращеніе отъ жизни и отъ свѣта, въ которое охотно ты вдаешся, причиняетъ мнѣ несносную грусть. Научи меня, чѣмъ пособить сему. —— Пособить? . . . . Наискорѣйшимъ окончаніемъ существованія, коимъ я гнушаюсь; я ужè вамъ сказызалъ —— Любезный Сальвини, для нашей дружбы положись на мои попеченія; открой мнѣ свою скорбь . . . . . Ты плачешь, ты кажешся внѣ себя! —— Ахъ Милордъ! —— Обойми своего друга; почувствуй облегченія, обременяющія тебя скорби въ его объятіяхъ . . . . Ты навсегда отрицаешся отъ моея довѣренности —— Бѣги Милордъ, удалися . . . . Оставь . . . . . Я непотребный, недостойный толикихъ благодѣяній.

Сальвини слышитъ три четверти девятаго часа; въ девять часовъ долженствовало совершиться все предпріятое. Онъ теряетъ почти смыслъ; произноситъ только недоконченныя слова, и наконецъ вскричалъ . . . Милордъ . . . . Милордъ, я не знаю . . . . . Силъ моихъ не достаетъ . . . . Возратимся . . . . Пойдемъ скорѣе въ замокъ.

Адель-

Адельсонъ беретъ его подъ руку. Сальвини возвратясь въ свою горницу, проситъ Лорда, чтобъ онъ его оставилъ, увѣряя, что ему лучше, и что къ совершенному облегченію нуженъ ему покой.

Едва остался онъ одинъ; слова сіи вырываются съ воплемъ изъ глубины сердца его: ты побѣждаешь Адельсонъ! мнѣ должно быть жертвою всѣхъ мученій: вижу, сколь трудно сдѣлаться злодѣемъ . . . Не буду я таковымъ: никогда не буду преступникомъ: будь щастливъ съ Нелли . . . Съ Нелли! ужасная мысль, что дѣлать?

Жероніо прибѣгаетъ: —— Васъ ждутъ сударь: хотятъ вѣдать по крайней мѣрѣ, для чево вы не вышли съ Адельсономъ въ назначенный часъ —— Для чего, Жероніо? Пойдемъ, проводи меня?

Сіи слова произнесъ Сальвини голосомъ неяснымъ; Сициліанецъ ведетъ его, или паче влечетъ за собою. Всѣ погружены были во снѣ; ночь еще мрачнѣйшею казалась для Италіанца; едва узрѣли его, что вскричали ему? Что ты съ Милордомъ сдѣлалъ? Гдѣ онъ? Я ужѐ больше трехъ часовъ здѣсь . . . . Гдѣ Милордъ, спрашиваете вы? . . . Милордъ? Онъ приходилъ —— Сказывай? —— Я насилу привелъ его въ сіи мѣста . . . . Но что мнѣ вамъ сказать? —— И ты не могъ его удержать

до

до нашего прихода —— Я не властенъ былъ . . . . . Я хотѣлъ . . . . Не могъ я измѣнить его довѣренности . . . . Я принудилъ его возвратиться: меня должно наказать, меня: я нещастнѣйшій изъ всѣхъ смертныхъ. Прибавь, что и подлѣйшій, прерываетъ разъяренный незнакомецъ. Отвѣчай мнѣ шпагою —— Я докажу вамъ, что не страшуся смерти.

Незнакомецъ не внемлетъ ничего; бросается на Сальвини, который вонзаетъ ему въ грудь шпагу. Сальвини, пораженный симъ движеніемъ, кое обыкновенно слѣдуетъ за убійствомъ, не вѣдая, живъ ли его противникъ, удаляется скоро; не видитъ онъ своего служителя; препровождаетъ ночь въ самомъ ужаснѣйшемъ состояніи: смерть человѣка, бракъ Адельсона и Нелли: приуготовляемый предъ его очами, всѣ сіи удары угнѣтаютъ его душу.

Настаетъ день; слышенъ не чаянно смятенный шумъ; крестьяне нашли на́ полѣ мертвое тѣло, приносятъ его въ за́мокъ; живописецъ поражается страхомъ; не сумнѣвается, чтобы не была то его жертва. Какое удивленіе для Адельсона, Госпожи Риверсъ и ея дочери, когда познаютъ Струлеа! онъ возвратился изъ чужихъ краевъ, въ намѣреніи завести новый заговоръ противу Лорда; узнали послѣ изъ устъ самаго Сициліанца, попавшагося въ

руки

руки правительства, что самый Струлей искусно доставилЪ его вЪ домЪ кЪ Адельсону, и что намѣрены они были воспользоваться Нещастною страстію живописца, для вовлеченія Лорда вЪ свои сѣти, и для его погубленія.

Все было уготовлено кЪ празднованію брака, долженствовавшаго совершить благополучіе Адельсона и Нелли. МилордЪ БермондЪ первый былЪ изЪ поспѣшающихЪ симЪ союзомЪ. Радость двухЪ влюбленныхЪ, приготовленіе кЪ торжеству, разліянная по всему замку; какое зрѣлище для Сальвини! онЪ умиралЪ ежечасно; погруженЪ былЪ вЪ сіе скорбное состояніе, кое есть послѣдняя степень сильныхЪ страстей. СвященникЪ ужè призванЪ былЪ; всѣ его ожидали.

ВЪ самое то время приносятЪ связку писемЪ кЪ Милорду Бермонду; едва пробѣжалЪ онЪ ихЪ взоромЪ, то сталЪ просить племянника своего, чтобы остановили обрядЪ сей до его возвращенія, которое долженствуетЪ быть весьма скоро. ГоворитЪ притомЪ, что отъѣдетЪ онЪ не медленно вЪ деревню кЪ Милорду N . . . - Которая двадцать миль отстояла отЪ Адельсоновой Сальвини чувствуетЪ облегченіе, когда другЪ его и Нелли не могутЪ сокрыть горести, сею отсрочкою причиненной. АдельсонЪ однакожЪ прощается сЪ дядею, который сѣвЪ вЪ почтовую коляску, обѣ-

обѣщаетъ какъ возможно скорѣе возвратиться отъ Милорда Дюка. Господинъ сей былъ тогда въ величайшей милости у Двора; онъ занималъ мѣсто перваго Министра; добродѣтели его дѣлали любезнымъ всему государству.

Адельсонъ проливалъ слезы въ обѣятіяхъ Сальвини, былъ не утѣшенъ. Знать, что, говорилъ онъ, опредѣлено, чтобы щастіе мое навсегда убѣгало отъ меня. Тогда, какъ я касался его, оно уменя уходитъ; и можетъ быть навсегда! Италіанецъ разгонялъ его страхъ; хотя внутренно желалъ, чтобы былъ онъ столько не тщетенъ, какъ Адельсонъ себѣ воображалъ. Печаль Нелли была не меньше его; Лордъ безпрестанно твердилъ ей: дражайшая Нелли, судьба можетъ вооружиться противъ насъ, удалять нашъ бракъ, или представить препятствія; но ничто не можетъ поживить любви моей.. Ты плачешь! Нелли, слезы сіи смертельно меня поражаютъ! почто предаваться намъ горести! дядя мой скоро возвратится: правда что благополучіе мое отсрочено на нѣсколько дней; но предадимся сему искушенію, станемъ уповать: судьба утолится наконецъ намъ противоборствовать: чего намъ теперь опасаться? Повѣрь мнѣ! есть конечно предѣлъ нещастію: обратимъ вниманіе Бермонда, которой отверзаетъ намъ свои обятія; который ведетъ насъ ко олтарю: сими вообраденіями должны мы наполняться.

Ахъ

Ахъ Милордъ, отвѣтствовала Нелли, судьба находитъ удовольствіе въ преслѣдованіи меня: не будемъ мы никогда соединены: забудь меня; живи благополучно: пусть одна я буду страдать: пусть умру я удалена отъ тебя, удалена отъ свѣта. Адельсонъ повергается къ ея ногамъ; заклинаетъ ея; проситъ умѣрить скорьбѣ свою, и окропляетъ слезами руку, держимую имъ у устъ своихъ. Какое зрѣлище для сердца, ревностію обладаемаго. Они любятъ другъ друга, говорилъ Сальвини самъ къ себѣ, они любятъ: чего имъ опасаться: ахъ пусть мученія ихъ сравняются съ моими . . . . Я не побѣжду сей порочной страсти? Не имѣю и твердости удалиться отъ сего жилища, чего же я надѣюсь?

Милордъ Бермондъ пишетъ къ племяннику своему; приказываетъ пріѣхать къ нему по полученіи письма не медлѣнно, не изъясняя больше ничего, не говоритъ ни слова о Нелли, ни о намѣренномъ бракѣ. Госпожа Риверсъ и дочь ея были съ Лордомъ, когда получилъ онъ сіе письмо. Онъ прочелъ его въ слухъ; какимъ ударомъ поразилася нещастная Нелли! —— Ну Адельсонъ, вѣришь ли ты теперь моимъ предчувствованіямъ? —— Я ничего не вижу, дражайшая, чтобы могло насъ тревожить; дядя мой другъ Милорду Дюку; можетъ быть имѣютъ они какой нибудь разговоръ

о

о моемъ повышеніи —— Я всего страшусь. Милордъ, ты меня оставляешь, отъѣжжаешь; мы не увидимъ другъ друга; я теряю тебя. —— Я уже сказалъ тебѣ: положись на мои чувствованія: сама смерть не въ силахъ уничтожить оныхъ: развѣ ты сумнѣваешся о моей любви, о постоянствѣ, о честности моей. —— Нѣтъ не имѣю я ни малаго сомнѣнія, Адельсонъ; но я препровождать буду минуты, часы, дни цѣлые безъ тебя! —— Отсутствіе мое не долго продолжится. —— Милордъ, нѣтъ знать ты меня не любишь?

Нелли произнесла сіи послѣднія слова, проливая слезы. Лордъ силится ея ободрить, хочетъ поговорить тайно съ живописцемъ. Затвори дверь, говоритъ ему Адельсонъ, останемся одни Сальвини: наконецъ могу я ввѣрить тебѣ мои мученія, сколько долженъ былъ я притворяться при Нелли! я показывалъ бодрость, коея никакъ не имѣлъ. И такъ предъ очами дружбы являю я всю мою внутренность: дозволь мнѣ свободно пролить слезы, насытить скорбь мою ими предъ тобою. Я разлучаюсь отъ любезнѣйшаго для меня предмета; молчаніе дяди моего ужасно: я чувствую сіе, не знаю, для чего отлучаюсь отсюда съ мрачнѣйшими предчувствіями. Чего желаетъ Милордъ Бермондъ? Для чего не упоминаетъ онъ ни слова о Нелли? О бракѣ нашемъ? Сальвини, я вручаю тебѣ сей свя-

щенный

щенный залогъ, съ ними предаю я тебѣ въ руки сердце свое . . . . . . Ты блѣднѣешь; вижу тебя смущенна. —— Милордъ. . ! я останусь здѣсь . . Дозволь мнѣ слѣдовать за собою. —— Нѣтъ, теперь надобно тебѣ остаться съ госпожею Риверсъ и ея дочерью: ты мнѣ другъ . . . —— Ахъ Милордъ, ты возлагаешь бремя . . . . . Позволь сопутьствовать себѣ . . . . Или удалиться, естьли бы ты зналъ . . . . . Въ самое то время входитъ Нелли. —— Адельсонъ, ты меня покидаешь! слезы паки текутъ изъ глазъ ея; Лордъ старается утѣшить ея новыми клятвами; наконецъ все къ отъѣзду его приготовлено. Адельсонъ уходитъ, и возвращается многократно, падаетъ къ ногамъ Нелли, къ ногамъ госпожи Риверсъ, которая также проливала слезы. Когда Лордъ намѣревается совсѣмъ оставить ихъ; Нелли испускаетъ вопль: Адельсонъ! вопіетъ она съ рыданіемъ, Адельсонъ! ахъ мы не увидимся ужъ больше: въ послѣдній разъ говорю я съ тобою . . . Въ послѣднія вижу тебя! не могу я прогнать тайнаго страха, меня угнѣтающаго: кажется, что похищаютъ тебя на вѣкъ.

Не въ силахъ она продолжать рѣчи; Лордъ стоялъ на колѣнахъ; не могъ онъ разлучиться съ Нелли; слуга его входитъ, и исторгаетъ его изъ сего положенія; садится онъ наконецъ въ коляску, обнявъ прежде Сальвинія, и препоруча ему госпожу Риверсъ и прекра-

сную ея дочь. Нелли была тогда безъ памяти въ рукахъ матери своей, слышитъ удаляющуюся почтовую коляску, вырывается изъ рукъ госпожи Риверсъ —— Адельсонъ . . . . . Я не вижу его больше. При сихъ словахъ падаетъ паки въ прежнее состояніе.

Сальвини пришедъ въ свою горницу, размышляетъ о всемъ, что онъ чувствовалъ; похвалялъ прежде свою добродѣтель, что просилъ дозволенія слѣдовать за Лордомъ, и убѣжать отъ Нелли; но когда разсматривалъ себя съ большею строгостію, то обвинялъ себя слабостію; не скрывалъ онъ отъ себя, что мало употребилъ усилія и прозьбы къ своему другу; зрѣлъ наконецъ и удовольствіе скрытное, чувствуемое имъ при препятствіяхъ, устраняющихъ союзъ Адельсоновъ, и призывающихъ его къ Лорду Бермонду.

Не взирая на сіи разсужденія, Сальвини освобождался мало помалу отъ своея задумчивости, началъ искать случая видѣться еще съ госпожею Риверсъ и ея дочерью; часто приближался онъ къ Нелли, когда оставалась она одна; вырывались у него мысли; предавался онъ удовольствію взирать на нее и слушать ея рѣчей. Какое сладострастіе для его сердца, когда онъ зрѣлъ текущіе ея слезы; печаль умножаетъ власть красоты, и слезы увеличиваютъ блескъ ея

взоровъ;

взоровъ; иногда описывалъ онъ ей именемъ Лорда прелести благополучной любви. При сихъ случаяхъ оживлялъ Сальвини всѣ восхищенія разговоровъ, коихъ убѣгать бы онъ былъ долженъ; но не время уже было противоборствовать своей судьбинѣ; она побѣждала; первыя стези уже были проложены; стремился онъ отъ неразумія къ неразумію и отъ заблужденія къ заблужденію; поспѣшалъ онъ къ своей погибели. Не содрогался уже, приближаясь къ безднѣ: съ начала долженствуетъ человѣкъ разрушать свои страсти; но когда учинили онѣ какой успѣхъ, то добродѣтель и разумъ дѣлаются безплодными. Сальвини препровождалъ цѣлые дни съ Нелли; привыкалъ уже онъ къ любви, его мучившей; отсудствіе Адельсона, ослабленіе угрызеній, сильный огнь раздражающійся были враги, противу коихъ нещастный сей юноша долженствовалъ бороться; и сіи его покоряли.

Госпожа Риверсъ не могла умолчать о безпокойствахъ своихъ; не получала она ни малаго извѣстія отъ Лорда, хотя она къ нему многократно писала. Наконецъ прислалъ Адельсонъ слѣдующее письмо, подписанное на имя *матери Нелли.*

Матушка сударыня!

Имя государыни моей теперь вамъ не прилично: я поспѣшаю съ нетерпѣливостію

 посвя-

посвятить вамЪ чувствія наинѣжнѣйшаго сына: отвѣчалЪ бы я вамЪ давно, естьли бы не старался я вамЪ и дражайшей моей Нелли доставить пріятныхЪ новостей; но какЪ я только могЪ сообщать вамЪ ужасныя, то отлагалЪ ихЪ нѣкоторое время: не безпокойтесь симЪ вступленіемЪ; буря утихла; осталась одна боязнь; благодарить Бога, вижу я теперь впередЪ едино щастіе. Извѣстно вамЪ, что МилордЪ ДюкЪ чрезмѣрно любитЪ моего дядю; онЪ предлагалЪ ему для меня одну изЪ своихЪ племянницЪ вЪ супружество, и уговаривалЪ меня кЪ тому сЪ великимЪ усиліемЪ: можетЪ быть МилордЪ БермондЪ былЪ бы столь слабЪ, что согласился бы на сіе: другЪ его соединился сЪ нимЪ предлагать мнѣ сей блестящій путь кЪ щастію: вы можете ужѐ безЪ сумнѣнія отгадать мое супротивленіе: и я симЪ хвалиться не имѣю причины, могутЪ ли быть какія жертвованія, достойны прекрасной вашей дочери.

ОнЪ женится на ней, вскричала Нелли, матушка! ничего не осталось для меня, и должно мнѣ отречись отЪ Милорда и отЪ жизни.

Нещастная сія погубляетЪ память; Сальвини летитЪ на помощь. ВЪ то время, пока госпожа РиверсЪ созываетЪ служителей, Нелли приходитЪ нѣсколько вЪ себя, видитЪ, что Сальвини держитЪ ея вЪ объятіяхЪ

тіяхъ своихъ, что даже приложилъ пылающее лице свое къ ея щекѣ; мнитъ, что ошибается но однако отталкиваетъ тихо живописца; благодаря его за усердіе между тѣмъ. Мать входитъ, старается утишить болѣзнь дочери, и наконецъ чтеніемъ окончанія письма приводитъ ея въ спокойствіе. Адельсонъ расточаетъ въ немъ новыя обнадеживанія вѣчныя любви къ Нелли, пріемлетъ небо въ свидѣтельство, что не будетъ имѣть другія супруги; прибавляетъ къ тому, что не замедлитъ съ нею паки увидѣться; и что она должна быть увѣрена о скоромъ совершеніи брака, какъ предѣла его блаженства; проситъ, чтобы хранили благосклонность къ его другу, и повторяетъ, что чрезъ нѣсколько дней возвратится онъ къ нимъ.

Нелли предана была печали, которую всѣ слова матери ея не въ силахъ были умалить; представляла въ умѣ своемъ только цѣпь нещастій, готовыхъ на нея изліяться; чрезъ всю ночь смущалась она только ужаснѣйшими сновидѣніями.

Что до Сальвинія касается; онъ возъимѣлъ такую страсть, которая скоро долженствовала прейти предѣлы. Сколька смертный сей, говорилъ онъ самъ въ себѣ, будучи обладателемъ толикихъ прелестей, вкушать будетъ сладостнаго утѣшенія! сколь пріятна она была въ томъ состояніи

нїи, когда чувствительность свою являла; какїя прелестныя благовонїя чувствовалъ я въ ея дохновенїи; не примѣтила ли она тѣхъ чувствїй, коими я въ то время былъ преисполненъ, и коимъ я сопротивляться не былъ въ силахъ. Нѣтъ любовь моя, обожение ее не утаилось отъ нее; я прїобщу къ торжеству соперника моего новыя удовольствїя. Нелли, Нелли пылаетъ любовїю къ другому . . . . . Онъ мой другъ! нѣтъ, мучитель онъ мой; онъ лишилъ меня покоя, разума, добродѣтели. Ахъ! почто не лишилъ онъ меня и жизни, вмѣсто того, что вовлекъ онъ въ сїе ужасное мѣсто . . . . . Божественная женщина, почто я тебя узрѣлъ: владѣй моей душею мучительница моя: сїе мнѣ любезно! опредѣли всѣ мои восхищенїя, всю ярость мою: не извѣстна мнѣ больше дружба, благодарность: забудемъ все, всѣмъ пожертвуемъ, да будетъ едина любовь, управляющая всѣми дѣйствїями моими! умру предъ стопами Нелли! пусть послѣднїе мои взоры встрѣтятся съ ея прекрасными взглядами . . : . . Что я намѣренъ дѣлать? Адельсонъ, ахъ Адельсонъ! почто оставилъ ты меня въ сихъ мѣстахъ, почто предалъ ты меня самому себѣ? Почто покинулъ сему хищному врагу, терзающему духъ мой непрестанно? Не узнаю уже я себя, не знаю, на что пуститься, что дѣлать . . . . Все оставляетъ меня: не возможно мнѣ больше противоборствовать горестной склонности.

Между тѣмъ Лордъ ежедневно присылалъ письма къ госпожѣ Риверсъ и къ Нелли. Ежели бы не приключилась нечаянная болѣзнь Милорду Бермонду и Милорду Дюку, то возвратился бы онъ давно въ свой домъ; былъ уже онъ близко превозможенія всѣхъ препятствій и достиженія желаемаго союза; увѣщевалъ особливо всѣхъ друзей и пріятелей своихъ ничего не опасаться; и сіе увѣщаніе дѣлалъ такъ, что не взирая на всѣ препятствія, совершитъ онъ свое желаніе.

Нелли вознамѣрилась отвергать всѣ лестныя надежды, удалялась иногда отъ матери, чтобы свободно въ своей горницѣ оплакать горестную свою судьбу; тамъ предавалась безпрепятственно грусти и своей любви; вкушала она нѣкій родъ удовольствія и отраду, наполняя мысли скорбію. Неужто мученіе нѣкій родъ сладости въ себѣ имѣетъ, для чувствительныхъ душъ? Неужто есть нѣкое удовольствіе насыщаться пролитіемъ слезъ? Въ семъ-то состояніи находитъ нѣкогда Сальвини сію красавицу. Никогда прекраснѣе она не являлась, и никогда прелестнѣе не бывала; можно было глядя на нее сказать, что уединеніе есть найприличнѣйшее мѣсто красотѣ. Тамъ наиболѣе приближается она къ естеству; все окружающее ее служитъ къ умноженію ея прелестей. Прекрасные очи Нелли, орошенные каплями слезъ, были опасное зрѣлище для Сальвини; приближается

 онъ

онъ къ ней съ трепетомъ; не смѣетъ поднять глазъ; боится произнести слово. Сіи слова наконецъ вырываются изъ устъ его: кажется, сударыня, что и вы знаете задумчивость. Но ядъ сей сердца не для васъ сдѣланъ — Ахъ Сальвини чувствительность влечетъ за собою печаль: состояніе сіе не должно быть вамъ чужде: — Мнѣ должно чувствовать всю жестокость печали: мнѣ надлежитъ ненавидѣть жизнь — Скажите мнѣ, долго ли мнѣ тщетно просить васъ, чтобы вы открыли мнѣ свою душу: что за нещастія васъ удручаютъ? Сравните свое мученіе съ моимъ: вить вы не любите .... — Я люблю.... Естьли бы вы могли видѣть въ сердцѣ моемъ, то узнали бы ..... Я наинещастнѣйшій въ свѣтѣ — Дружба — .... Нѣтъ сударыня, не дружба, но любовь — Какъ вы влюблены? — Да я влюбленъ? Я люблю до безпамятства, обожаю, горю..... Умираю: вся кровь моя пламенѣетъ, и сей пламень пожираетъ меня..... — Да ктожъ такой есть предметомъ сей непобѣдимой страсти?

Сальвини устремляетъ на Нелли взоры, въ коихъ можетъ быть мнила она примѣтить то, чего не могъ онъ болѣе скрывать; хочетъ она встать; онъ повергается къ ея стопамъ, принуждаетъ ее паки сѣсть — Выслушайте меня, я хочу здѣсь испустить духъ, долго уже я сопротивлялся...

ся. . . . Но должно уступить, должно явить. . . . . Такъ я умираю отъ любви къ женщинѣ прелестнѣйшей, прекраснѣйшей, которая опредѣлена. . . . —— Что это Сальвини, неужто въ истинну —— Знаю я, что преступаю все, дружбу, честь; знаю, что Адельсонъ есть мой благодѣтель, другъ мой, что онъ женится на васъ, что онъ васъ любитъ, что вы любите его; но мнѣ не возможно скрыть страсть, владѣющую всѣми моими чувствами. Не въ силахъ я удержаться, чтобы не объявить предъ стопами твоими, дражайшая Нелли, что я тебя обожаю, что не исходимо впечатлѣлась ты въ моемъ сердцѣ, съ той самой минуты, какъ я тебя увидѣлъ; что ты для меня единственное божество; что любовь сія не инако можетъ угаснуть, какъ съ моею жизнію; гробъ единъ можетъ торжествовать надъ нещастною сею склонностію.

Сальвини. . . . Я не знаю, что мнѣ тебѣ отвѣчать . . . Ты ли это говоришь? Ты осыпанный благодѣяніями такого человѣка, который дѣлаетъ еще для тебя больше! являетъ тебѣ почтеніе, довѣренность, нѣжность; и ты его толь недостойнымъ образомъ обижаешь, на что же ты надѣешся? —— Какъ сударыня, такъ вамъ угодно вонзать жало смертное въ сердце мое, растравлять мои раны! развѣ вы думаете, что я не вижу, что не чувствую я великости моего преступленія: нѣтъ больше пу-

ти къ раскаянію, къ обращенію: я преданъ страсти своей: Милордъ ужè мнѣ недругъ: все странно для меня, все ненавистно. На что я надѣюсь, спрашиваете вы? Надежда моя въ томъ, чтобы страшиться самаго себя, обожать васъ. Толико вѣдаю я всѣ мои поступки, мое беззаконіе, страшную неблагодарность: знаю, что любите вы другова ..... Что онъ будетъ щастливъ ... Что онъ долженъ быть ... Но я доволенъ, что сказалъ вамъ о любви своей: я стану втайнѣ питать ею сердце свое: безпрестанно буду твердить, что я васъ люблю, что буду обожать васъ до послѣдняго издыханія ---- Ужасное мое состояніе развѣ не видимо было вамъ? Когда были вы безъ памяти; сердце ваше развѣ не чувствовало трепетанія моего? Я держалъ васъ въ своихъ объятіяхъ: въ какомъ былъ я тогда восхищеніи! мрачная сія задумчивость, меня снѣдающая, ужасное презрѣніе своего бытія, стараніе убѣжать отъ Адельсона, отъ всего свѣта, отъ васъ самихъ; всѣ сіе не долженствовало ли вамъ давно явить мученій, которыя вы мнѣ приключаете.

Нелли встаетъ скоро --- Довольно Сальвини: вижу я, сколь неблагодаренъ ты противу Милорда, ежели бы онъ узналъ ---- Но я не хочу сіе ему открыть, я надѣюсь, что забудете вы сей разговоръ, вы мнѣ жалки! обѣщайте мнѣ вѣчное молчаніе: вѣрте мнѣ, вамъ должно перемѣнить чувствованіе,

ваніе: подумайте, что обижаете вы симЪ друга и женщину, которую онЪ любитЪ, и которая долженствуетЪ быть его супругою.

Нелли сказавЪ сіе, хотѣла итти вЪ замокЪ; живописецЪ не оставляетЪ ее —— Я не жалости у васЪ изспрашиваю; прошу я о смерти. Какое благополучіе будетЪ для меня, умереть отЪ вашей руки! —— —— Ну сударыня, первый и послѣдній разЪ открыта сія вредоносная любовь - - - - Не станутЪ очи мои искать вашихЪ: не позволю я себѣ изспустить ни малѣйщаго воздыханія, буду довольствоваться тѣмЪ, что могу любить, и страдать тайно - - - - Что я говорю! я хотѣлЪ молчать, и не могу удержаться: откройте Милорду всѣ мои преступленія: опишите меня подлѣйшимЪ, виновнѣйшимЪ, нещастливѣйшимЪ человѣкомЪ .... Скажите хоть слово. Я умерщвлю себя предЪ глазами Адельсона при стопахЪ вашихЪ - - - Не хотя, противу воли, сударыня, я говорю такЪ: правда я нарушилЪ права чести, измѣнилЪ дружеству: ахЪ Боже! Боже мой, какую казнь! . . .

Нелли пришла кЪ госпожѣ РиверсЪ; а ИталіянецЪ ушелЪ, и заперся вЪ своей горницѣ.

Нелли не выходила изЪ удивленія; не могла рѣшиться, что дѣлать, увѣдомлять ли о происхожденіи семЪ Лорда, или доволь-

стово-

ствоваться только объявленіемъ матери; наконецъ определила не сказывать ничего ни тому ни другой, надѣясь, что Сальвини размысля въ себѣ, осудитъ самъ себя за свое преступленіе, и что разрушитъ онъ наконецъ чувствованія, долженствующія бракомъ ея съ Адельсономъ учиниться тщетными. Впрочемъ опасалась она раздражить стремительный нравъ, и привести симъ неистоваго человѣка къ смерти, коего благоразуміе щадить повелѣваетъ.

Не можемъ ли мы присоединить, что женщинѣ сколь не привязана была бы она къ должностямъ своимъ. Трудно иногда защитить себя отъ нѣкоторыхъ снисхожденій? Самая благоразумнѣйшая не можетъ совершенно прогнѣваться за объявленіе, что она любима, и что имѣетъ даръ нравиться. Сіе неразлучно вдохновенное сему прелестному полу чувствіе, можетъ быть, сильнѣе бываетъ самой нѣжности и добродѣтели.

Цѣлые два дни протекаютъ, какъ Нелли не видала живописца; не сумнѣвается она, чтобы Сальвини не удалился отъ замка; шла она мимо его горницы; хочетъ она войти въ нее; въ передней находитъ лежащее на столѣ письмо; нѣкое движеніе любопытства побуждаетъ взять его въ руки; зритъ съ удивленіемъ, что оно къ ней писано; открываетъ, и чтетъ сіи слова.

„От-

„Открылъ я наконецъ тебѣ то, что „долженствовалъ я скрывать отъ самаго „себя, любовь законопреступную, ужасную „измену, коея загладить ничѣмъ былъ не „въ силахъ: осквернился я всѣми пороками, „всѣми подлостями: былъ неблагодаренъ: „жизнь моя была для меня непрерывное „наказанiе: мучимъ непобѣдимою стра„стiю, безполезными угрызенiями совѣсти: „чувствуя всю цѣну добродѣтели, и не въ „силахъ будучи ее обрѣсти: прiемая удоволь„ствiя въ моемъ злодѣянiи, хотя видѣлъ „всю мерзость онаго: любя Адельсона и оби„жая, да иногда и ненавидя его, Адельсона, „который осыпалъ меня толикими благодѣя„нiями, который удостоивалъ меня имени „своего друга, который душу свою из„ливалъ въ мою; горя къ тебѣ, обожая, „и открывъ сiе тогда, когда запретить „долженъ былъ себѣ, и мыслить о томъ, „что я люблю, готовъ будучи жертвовать „всѣмъ сей неистовой страсти; такъ, готовъ „будучи предаться всѣмъ преступленiямъ: „вотъ мое состоянiе. Одно оставалось „средство избѣжать владѣющихъ мною „чувствiй, прiялъ я его съ радостiю. Нѣтъ „толь глубокiя бездны въ землѣ, въ кото„рой бы я довольно сокрытъ быть могъ. „Нѣтъ, не могу столь скоро уничтожить „бытiя моего, какъ желаю: сiю минуту „когда выдумываю средства къ погубле„нiю себя; ты царствуешь, съ большимъ „еще мучительствомъ надъ чувствiями мо-

„ими.

„ ими. Единыя тепер милости прошу я от
„ тебя, надѣюсь получить ее по сострада-
„ нію сродному тебѣ: любви твоей... Что я
„ говорю? Неушто любовь твоя к Адельсону
„ воспрепятствует имѣть и сожалѣніе;
„ слабое награжденіе за мои чувствованія!
„ прошу тебя, да будет смерть моя не-
„ нарушимым таинством между мною и
„ тобою; да Милорд особливо не вѣдает,
„ до какой степени был я недостоин мило-
„ стей его! какоя мысль! пусть хотя память
„ моя сохранится от сих преступленій.
„ Окажете ли вы сію милость, когда будете
„ вы читать сіи строки, то я недостоин
„ ужè буду твоего гнѣву, я не буду ужè
„ существовать: яд. . . .

Боже мой! вскричала Нелли; роняет из рук письмо, слышит стук в ближнем покоѣ, бѣжит туда: какое зрѣлище ее поражает! нещастный Сальвини, борющійся с смертію. Нелли вопіет, бѣжит за служителями —— Помогите! помогите! Сальвини умирает; он принял яд. Госпожа Риверс, дочь ея, весь дом окружает бѣднаго Сальвинія, и лѣкарство дается ему случившимся в то время лѣкарем; мало помалу стали примѣчать в нем жизнь; приходит в чувство; очи его открываются, и первая, узрѣнная им особа, есть Нелли; он тихим голосом говорит ей: вы сударыня, возвращаете мнѣ жизнь.

Саль-

Сальвини подлинно получилъ паки жизнь, чтобы быть безъ сомнѣнія болѣе порочнымъ и нещастливымъ.

Госпожа Риверсъ любопытна была послѣ знать, какимъ образомъ дочь ея узнала о томъ, что живописецъ принялъ ядъ. Нелли открываетъ ей только половину произшествія; призналась, что нашла она записку, въ коей Сальвини объявлялъ родъ смерти, избранный имъ для пресѣченія дней, исполненныхъ грустію, что жаловался на меланхолію, коей не была въ силахъ противляться, прибавила къ тому, что разодрала сію записку; не имѣла она намѣренія объявить истинныя причины, вовлекши нещастнаго сего ко гробу; изобрѣла она случай поговорить съ Италіанцемъ; и когда остались они одни, то воспользовалась она симъ случаемъ.

Сальвини, сказала ему Нелли, видишь, что я умѣю молчать; ты не то мнѣ обѣщалъ, что я учинила все то человѣколюбіе, и самая жалость мнѣ повелѣвала. Теперь ты здоровъ. Возьми назадъ свое письмо; оно можетъ ту тайну сдѣлать явною, которую довольно скрыть не можно: я отдаю тебѣ его, но съ условіемъ которому не отмѣнно должно повиноваться: поѣжжай: найди Милорда, и проси у него, чтобъ отпустилъ тебя въ Италію. Не станемъ больше видѣться; и когда бы

могъ

могъ ты забыть всѣ свои поступки, такъ какъ я желаю ихъ забыть. Я обѣщаю, что ни Адельсонъ, ниже кто другой не узнаетъ о причинахъ, для которыхъ ты проситься будешь отсюда; но я повторяю еще: спѣши; оставь Англію: я не хочу оскорбить Милорда, и видѣть стыдъ, который долженъ ты имѣть въ присудствіи твоего благодѣтеля, обиженнаго тобою. —— Я знаю, сударыня, знаю я, что я порочнѣйшій изъ всѣхъ смертныхъ, чудовище въ вашихъ очахъ, въ собственномъ моемъ сердцѣ, что земля, небо, вся тварь меня осуждаетъ. . . . Но почтожъ возвратили вы жизнь мнѣ —— Чтобы видѣть твое раскаяніе Сальвини; живи, оплакивая вѣчно свой порокъ. Я обѣщалась хранить тайну; наказаніе оставляю я учинить твоему угрызенію совѣсти —— Жестокая! для того исторгла ты меня изъ объятій смерти! я не чувствовалъ уже мученій. Образъ твой удалился было отъ сердца моего. . . . . . Ахъ! простите моему смущенію; я клянусь не говорить вамъ впередъ ни слова о бѣдственной моей страсти. . . . . Я покорю ее. . . . Позвольте по крайней мѣрѣ наслаждаться вашимъ взоромъ; не завидуйте удовольствію моему, чтобы жить въ томъ мѣстѣ, гдѣ вы обитаете, дышать тѣмъ воздухомъ, которымъ вы дышите. —— Нѣтъ Сальвини, нѣтъ не возможно тебѣ остаться въ семъ мѣстѣ. Чувствія, прилѣпляющія меня къ Милорду, титло супруги скоро мною

воспринятое разумЪ, благопристойность; должность противу моего будущаго супруга, противу самаго себя: все повелѣваетЪ тебѣ не обходимо удалиться: ежели ты еще не согласишься ѣхать, страшись. . . . —— Разумѣю я васЪ, сударыня, ... НѣтЪ, не вы откроете преступленіе Милорду, за которое я сЪ лишкомЪ наказанЪ: жестокая! я самЪ учиню сіе: бѣгу, не скрою я ничего отЪ него: узнаетЪ онЪ, до какой степени я васЪ обожаю; что умираю я отЪ сей толь бѣдственной любви: прочтетЪ онЪ вЪ сердцѣ моемЪ... Представлю я грудь кЪ пораженіямЪ: брошусь на его шпагу, пусть разтерзаетЪ онЪ гнусное сіе сердце, сердце не могущее. . . . . АхЪ! сударыня, вы повелѣваете мнѣ бѣжать: а мнѣ смерть не столь ужасна, какЪ удаленіе отЪ вашего присудствія. . . . . Я стану обожать васЪ втайнѣ: вы будете невѣдомое божество, кЪ коему буду возсылать всѣ мои моленія, буду хранить молчаніе, стану его хранить. . . —— Но ежели самое молчаніе обижаетЪ Адельсона и меня: ты обѣщаешь скрывать склонность, коею мы трое поражены: и дерзаешь говорить мнѣ о ней безпрестанно: безполезно обманывать намЪ другЪ друга: ты послушаешь меня, повинешься разсудку, чести: однимЪ словомЪ, мы растанемся.

Нелли встала, чтобЪ итти кЪ госпожѣ РиверсЪ, прогуливавшейся вЪ звѣринцѣ —— Я не оставлю васЪ, при вашихЪ стопахЪ желаю я

 лишить-

лишиться жизни. И такъ опредѣлено быть мнѣ порочнѣйшимъ въ свѣтѣ: ввергаюсь въ пропасть: разумъ, добродѣтель, дружба благодарность, честь . . . не извѣстны мнѣ. Вы приводите меня къ ужаснѣйшей крайности: вы желаете, чтобы умеръ я, удаленъ отъ вашихъ очей: страшитесь: ничего не будетъ для меня священнаго: бѣгу къ своему року, хочу быть чудовище неблагодарности, измѣны: стану ненавидѣть Адельсона, пронжу ему сердце. . . . —— Нещастный, что дерзнулъ ты сказать? Ступай, удались: я страшусь тебя. —— А я прошу только сжалиться со мною: возрите на слезы, на отчаяніе мое. —— Ты можешь устремиться на жизнь Милорда, друга твоего —— Кто! я? Мнѣ быть его убійцемъ. Я произнесъ сію хулу! нѣтъ никогда, сударыня, никогда не имѣлъ я такихъ мыслей, ахъ! пусть Адельсонъ наградится за добродѣтель свою вами! да будетъ вашимъ супругомъ; . . . . . И да поселится адъ въ моемъ сердцѣ.

При сихъ словахъ уходитъ Сальвини стремительно; изобрѣлъ онъ средство вручить Нелли письмо, въ коемъ употребляетъ наисильнѣйшія выраженія, что побѣдитъ онъ владѣющую имъ страсть, что не будетъ онъ о ней говорить ни слова, что временемъ и размышленіемъ загладитъ онъ свои проступки, и что преисполнится онъ единою благодарностію, достойною

Милорда. Нелли хотя была безъ опытовъ; но легко могла понять, что Италіанецъ не въ силахъ здержать свои обѣщанія; считая его, какъ не моществующаго изступленіемъ, неспособнаго предпріять ничего, ни слѣдовать разсудку; вознамѣрилась ужè открыть все Лорду по его возвращеніи; убѣгала даже встрѣчи съ Сальвиніемъ, хотя приходилъ онъ ежедневно ихъ посѣщать.

Есть ли какое движеніе, кое бы не могло овладѣть нашимъ сердцемъ. Всякій, читающій сію исторію, долженъ сказать, что увлеченный силою страстей, и ядобродѣтельнѣйшій человѣкъ не можетъ полагаться на свою силу. Что за нещастная мудрость, на которую мы полагаемся? Что бываемъ сами въ то время, когда высочайшее могущество оставляетъ насъ слабостямъ нашимъ?

Я думаю, что простятъ мнѣ малое сіе оступленіе. Когда Сальвини возрѣлъ на себя, борющагося съ угнѣтающею его склонностію, какъ слабую добычу въ когтяхъ хищныя птицы: то предпринималъ тысячу намѣреній, кои сами собою всѣ разрушалися: то выходилъ онъ мысленно на вѣки изъ зáмка, то паки въ него возвращался: душа его томилась напастями, умножавшимися ежеминутно: волненія колебали его непрестанно: буря наступала по бури: ночью испускалъ стенанія и вопли. Зрѣлъ

 онъ

онъ страшныя видѣнія, влекущія его во глубину пропастей: всѣ пороки во всей гнусности своей воставали противу его: то повергался онъ къ ногамъ Адельсона, и проливалъ ручьи слезъ: открывалъ ему свои заблужденія, прося прощенія за неблагодарность свою: то предъ стопами Нелли клялся въ вѣчной любви, трепеталъ непрестанно: самомалѣйшій стукъ ужасалъ его: лишился, и уже не обрѣталъ покоя. Какой же источникъ былъ нещастій Сальвинія? Не можно не повторить сего: попущеніе первыхъ впечатлѣній, почувствованныхъ имъ при первомъ видѣ молодыя Агличанки. Ежели бы умѣлъ онъ воспротивиться симъ движеніямъ въ ихъ началѣ: то торжествовалъ бы неотмѣнно, былъ бы можетъ быть найдостойнѣйшій почтенія изъ всѣхъ людей: но не возможно было ему возвратиться: стремился уже онъ охотно къ ожидающему его року.

Адельсонъ увѣдомляетъ друзей своихъ, что скоро услышатъ они пріятныя о немъ извѣстія. Живописецъ присудствовалъ при чтеніи сего письма: поражается онъ незапнымъ ударомъ, коего причину Нелли легко познаетъ. Оставшись одинъ, вопіетъ: нѣчего сомнѣваться: опредѣленіе казни моей совершено: они соединятся бракомъ! бракомъ. . . Нелли.

Съ сего часа безпорядокъ въ немъ умножается: онъ не помнитъ самъ себя, не

имѣетъ

имѣетъ надежды, смотритъ на олтарь, при которомъ долженствуетъ совершиться сіе соединеніе, на кое смотрѣлъ онъ прежде сего излалеча: воспаленное его воображеніе слѣдуетъ за Нелли во всѣхъ обрядахъ брака, въ пиршествѣ, въ самыхъ объятіяхъ супруга. Сіе послѣднее изображеніе усугубляетъ ярость, поражающую грудь его неищетными ударами: никакое обузданіе не сильно его укротить.

Казалось, что смущеніе его распространялось во всей природѣ, слышенъ былъ тогда страшный громъ, ударъ молніи падаетъ близъ замка. Сіе приключеніе не мало споспѣшествовало къ большему воспламененію кипящихъ мрачныхъ восторговъ въ Италіанцѣ. Не можно сомнѣваться о дѣйствіи природы въ самыхъ нравахъ. Колико злодѣевъ равнодушно учинили ужасныхъ злодѣяній во время ночи, которыя произвели бы они днемъ не смѣло, и можетъ быть уступили бы угрызенію совѣсти.

Двѣ коляски и нѣсколько служителей верьхами прибываютъ на дворъ замка, и множество женщинъ выходятъ изъ коляски съ корзинами въ рукахъ; одинъ изъ служителей идетъ впереди, входитъ, и отдаетъ сіе письмо Нелли.

„ Наконецъ божественная Нелли, побѣди-
„ ли мы всѣ препятствія, и ничего страшить-

„ея не осталось: я пишу сіе письмо, во-
„схищаясь радостію: Милордъ Дюкъ и дядя
„мой ожидаютъ тебя къ себѣ: первый не
„отмѣнно желаетъ, чтобы бракъ нашъ
„совершился въ его домѣ: и мы пробудемъ
„три дни въ его деревнѣ: я посылаю къ
„тебѣ наряды, которыя тобой украсятся.
„Поспѣши пріѣхать совершить благополучіе
„человѣка, коего душа летитъ тебя встрѣ-
„тить. Самое малѣйшее отлагательство
„умертвитъ меня. Свидѣтельствую всю
„нѣжность сына нашей матушкѣ, и прошу
„ее пріѣхать съ тобою: я всякую минуту
„щитаю.

G. S. Привезите и друга моего; должно сдѣлать полной праздникъ. Мгновенно женщины сіи окружаютъ Нелли, снаряжаютъ ея въ богатыя одежды; во всѣмъ замкѣ слышна была радость о пріятномъ семъ извѣстіи. Нелли была всѣми любима: никогда не видано столько пріятности, совокупленной съ тихостію и скромностію: служители Милордовы называли уже ее милостивою государынею. Госпожа Риверсъ благодарила небо о толь ясномъ покровительствѣ, говорила, что умретъ она теперь спокойно, видя наконецъ бракъ дочери своей: обѣ они обнявъ другъ друга, проливали сладчайшія слезы знакомъ чистаго удовольствія. Коляски подвезены были, готовы были принять госпожу Риверсъ и Нелли. Мать уже сошла, садится съ женщинами, долженствовавшими провожать Нелли.

Сальвини еще не былъ; онъ бѣжитъ въ ярости въ горницу къ Нелли, находитъ ее одну. —— Ты здѣсь? Милордъ приказываетъ мнѣ привести тебя съ собою Но я думаю, промолвила она, взглянувъ на него съ твердостію, что вы лучше сдѣлаете, когда останетесь здѣсь —— Такъ вы выдете за него? —— Сего дня. Прощайте, ... Желаю вамъ. . .

Сальвини не далъ окончать ей слова, устремляетъ на нее взоръ, пылающій яростію; вынимаетъ шпагу, вонзаетъ въ грудь нещастной Агличанки: та падетъ, вскричавъ только, Адельсонъ, о Боже мой! служители прибѣгаютъ на стукъ: Сальвини какъ бѣшеной говоритъ имъ такъ: я умертвилъ любезнѣйшую мнѣ самому; при семъ, поднявъ шпагу, хочетъ поразить себя: бросаются на него, и влекутъ въ другой покой.

Госпожа Риверсъ, не видя долго дочери, теряетъ терпѣніе, всходитъ опять, бѣжитъ въ ее горницу, видитъ ея мертву, плавающую въ своей крови. —— Дочь моя! сіи только слова могла произнесть жалкая мать, кидается на нее, истощаетъ всѣ силы, старается подать помощь, зритъ всѣ старанія тщетными, омываетъ ее рѣками слезъ, бьетъ себя въ груди, испускаетъ ужасные вопли; гласъ ее оскудѣваетъ отъ воплей; вопрошаетъ она съ рыданіемъ: чья рука учинила сіе убійство? Сказываютъ ей о

Сальвини. —— Сальвин? Боже мой! увѣдомляютъ ее, что болѣе его нѣтъ въ за́мкѣ, что не хотѣли ея огорчить присудствіемъ убійцы; что отведенъ онъ подъ крѣпкою стражею въ Лондонъ, и что онъ самъ въ такой скорби, что никакимъ образомъ не могли извлечи отъ него ни единаго сло́ва, и что не вѣдаютъ, для чего осквернился онъ симъ мерзкимъ убійствомъ. Нещастная сія женщина, отчаяніемъ внѣ себя приведенная, держитъ, не выпуская изъ рукъ и прижавъ къ груди тѣло Нелли, нарицаетъ ее безпрестанно любезною дочерью. Единое только въ силахъ она была приказать, чтобы никто не отлучался изъ за́мка, желая сама увѣдомить Милорда о ужасномъ семъ приключеніи.

Адельсонъ ожидалъ Нелли со всемъ восхищеніемъ любовника, поминутно смотрѣлъ на часы —— О! ежели бы она такъ меня любила, какъ я ее обожаю: она бы прилетѣла сюда. Что можетъ ее удержать? Двадцать разъ возвращался онъ по дорогѣ, по которой долженствовала она поѣхать, спрашивалъ каждаго встрѣчающагося, не видали ли двухъ каретъ въ провожаніи многихъ служителей; но никто ему не отвѣчалъ поего желанію; потомъ возвращается онъ къ Милорду Дюку. Сей учреждалъ все къ торжеству брака; онъ хотѣлъ имѣть удовольствіе самъ поднести въ подарокъ алмазный бантъ его любезной племянницѣ: такъ ужѐ онъ ее называлъ.

Наступаетъ ночь; Адельсонъ не могши больше противиться нетерпѣливости, уходитъ тайно, не сказавъ обоимъ Лордамъ, садится верьхомъ на лошадь, послѣ дуемъ однимъ служителемъ, скачетъ во всю мочь къ своему замку, приказываетъ слугѣ себя подождать; онъ имѣлъ съ собою ключь отъ однихъ воротъ своего звѣринца; идетъ онъ тихо къ покоямъ Нелли, отпираетъ осторожно дверь, желая какъ себѣ, такъ и Нелли сдѣлать нечаянное удовольствіе.

Какое зрѣлище! какое зрѣлище для нещастнаго Лорда: множество людей въ различныхъ плачевныхъ положеніяхъ: свѣча едва освѣщаетъ горницу: женщина съ растрепанными волосами, умирающая отъ отчаянія, простертая надъ тѣломъ, изъ коего ручьи крови лилися чрезъ великую рану: отступаетъ онъ отъ ужаса, познавъ Нелли; взываетъ, вопіетъ! кидается на окровавленное тѣло.

Сіи раздирающія душу положенія никакою кистью изображены быть не могутъ.

Прибѣгаютъ за Милордомъ служители: госпожа Риверсъ сама выходитъ изъ своего безпамятства, поднявъ нѣсколько голову, и усмотря Адельсона, коего сперва не видала, удвояетъ вопли. Лордъ прилѣпленные имѣя уста къ ранѣ нещастныя своея любовницы, хочетъ удержать кровь, мнитъ возвратить ее

 жизнь,

жизнь, призываетъ ее: Нелли! дражайшая Нелли! повторяетъ сіе многократно; упадаетъ бездыханенъ; вскоръ яростію преисполненъ, рыдая вопрошаетъ: кто такой варваръ, какое ужасное чудовище похитило у меня ее? При названіи живописца поражается Адельсонъ какъ громовымъ ударомъ, падаетъ на землю. — Сальвини! мой другъ! Сальвини. . . . Встаетъ онъ, вспламенясь яростію: — Гдѣ же онъ, гдѣ онъ? Гдѣ Адскій сей человѣкъ? Дайте мнѣ его, я разтерзаю его. . . Я разорву его сердце! госпожа Риверсъ бѣжитъ въ слезахъ къ Милорду — Нечестивецъ сей повезенъ теперь въ Лондонъ: правительство долженствуетъ его истребить мученіями. Адельсонъ повергшись паки на тѣло, объемлетъ его, прижимаетъ къ груди. — Что сдѣлала ему сія любезная, сіе невиннѣйшее твореніе? Ему отвѣчаютъ, что не вѣдаютъ, какая причина могла привесть его къ толь ужасному звѣрству. — Сальвини. . . Какъ? . . . Нелли? Ахъ ты похищена отъ меня! и кѣмъ, чьею рукою. . . Боже мой!

Адельсонъ паки погружается подлѣ госпожи Риверсъ въ сонъ смертный, провождаетъ всю ночь въ семъ ужасномъ состояніи: слышаны были часто испускаемыя съ воплемъ отъ Милорда вздохи.

Милордъ Дюкъ и Милордъ Бермонъ увѣдомлены были о семъ страшномъ приключенiи, прiѣжжаютъ и они поспѣшно, хотятъ удалить нещастнаго сего отъ страшныхъ сихъ видовъ: тогда то является вся жестокость его возмущенiя: Нѣтъ, не исторгнете вы меня отъ сихъ бездушныхъ останковъ, обойму я ее, стану безпрестанно омывать слезами, соединю душу мою до послѣдняго издыханiя моего; погребите меня съ нею: пусть хотя гробъ насъ соединитъ. Я лишился ее.... Когда была она уже въ моихъ рукахъ.

Дядя его проливаетъ съ нимъ слезы, и покушается его утѣшить; онъ его отрѣваетъ, не слышитъ ничево. —— Не говорите мнѣ ничево о утѣшенiи, не внемлю ничего! нѣтъ больше для меня ни сродниковъ, ни друзей..,.. Ахъ это другъ!....

При семъ словѣ замолчалъ, стремится пронзить себя шпагою. Находятъ средство вырвать ее изъ рукъ, употребляютъ всю силу, чтобы удалить отъ глазъ его погребательные обряды; онъ всѣмъ усилiемъ сопротивляется, устремляется ко гробу, заключающему нещастную Нелли, прижимаетъ его къ груди, испускаетъ пронзительной вопль, стремится броситься въ ровъ. Милордъ Бермондъ и госпожа Риверсъ насильно отводятъ его въ горницу, стрегутъ его осторожно; тамо приходитъ онъ въ изступленiе;

ніе, всѣ страшатся, чтобЪ не лишился онЪ ума.

Сальвини былЪ вЪ Лондонѣ вЪ глубинѣ мрачнѣйшія темницы; камень служилЪ ему постеліею; угнѣтаемЪ бременемЪ тяжчайщихЪ узЪ ожидалЪ не терпѣливо конца своего; не однократно покушался обмануть бдѣніе стражей, и разбить о стѣны темничныя себѣ голову; не говорилЪ онЪ ни слова, и сидѣлЪ вЪ одномЪ положеніи, преклоня голову, и устремя взоры вЪ землю.

ПризываемЪ предЪ судей не старался Сальвини уменьшить своего злодѣянія; не сокрываетЪ онЪ ни малѣйшаго обстоятельства, и признаетЪ себя виновнѣйшимЪ изЪ всѣхЪ злодѣевЪ; единыя милости испрашивалЪ онЪ себѣ, чтобы наискорѣе окончили смертный приговорЪ, признаваясь, что всѣ мученія, какія бы ни предписало ему правительство, не могутЪ сравнятся сЪ его злодѣяніями, раздирающими его душу.

Время не уменьшало чрезвычайныя горести Адельсоновой; дядя ево наконецЪ обЪявляетЪ ему причину, вооружившую свирепость живописца на жизнь невинныя Нелли. При семЪ откровеніи ярость Лорда опять воспламеняется; онЪ уподобляется человѣку, имѣющему очи покрытыя мракомЪ и нечаянно узрѣвшему себя восхищенна и пожираема

раема смертельнымъ огнемъ. Онъ обвиняетъ свое ослѣпленіе; воспоминаетъ, проклиная, довѣренность свою и дружбу и множество другихъ обстоятельствъ, долженствовавшихъ его просвѣтить; намѣревается ѣхать въ Лондонъ, чтобы насытить мщеніе свое надъ убійцею, и поразить его тысячью ударами; Милордъ Бермондъ паки его удерживаетъ.

Адельсонъ пишетъ подробное письмо къ судьямъ, имѣющимъ дѣло Сальвиніево; начертываетъ въ немъ живое изображеніе благодѣяній, коими осыпалъ онъ сего нещастнаго. Я учинилъ для него еще больше, говоритъ онъ въ семъ письмѣ, я его любилъ: возносился тѣмъ, что обрѣлъ я друга. Измѣнникъ онъ дерзнулъ во зло употребить мою безопасность, измѣнить мнѣ, предать меня, когда я отверзалъ душу мою, воспринять похотѣніе, возгорѣть страстію безумною къ женщинѣ!... Но ее болѣе нѣтъ. Онъ ее у меня похищаетъ онъ умерщвляетъ ее! онъ могъ безъ жалости вонзить убійственное остріе въ сердце сіе ... Да погибнетъ онъ! надлежитъ изобрѣсти мученія... Англія, вся вселенная не имѣютъ столь жестокихъ мукъ... Ахъ! естьлибъ многократно онъ могъ возраждаясь умирать безконечными мученіями. Надъ сердцемъ его, надъ симъ предანническимъ, надъ симъ вражескимъ сердцемъ должно испытать всѣ роды мученія, да огнь, желѣзо. . . Но нѣтъ, нѣтъ довольнаго мученія.

Сверьхъ

Сверьхъ всего старяйтесь, чтобы не скоро жизнь окончалъ! ахъ злодѣй! ежели всѣ роды мученій на тебя обратятся, то не будешь ты чувствовать такова, какое я нынѣ чувствую.

Такимъ то образомъ нещастный Лордъ питалъ мучительную скорбь, пламя; снѣдающее его, искало разлиться. Воспользовался онъ наконецъ невниманіемъ стрегущихъ его, уходитъ и направляетъ путь къ Лондону, и тамъ приходитъ въ темницу къ Сальвини.

Входитъ онъ провождаемъ темничнымъ стражемъ: —— Убійца Нелли!.... И въ самуюжъ ту минуту устремляется съ обнаженною шпагою на живописца. Сальвини подъемлетъ главу, вопіетъ, потрясая узами, и отъ ужаса восприщаясь къ стѣнѣ: Адельсонъ! Адельсонъ, я не могу нижѐ въ земной утробѣ отъ тебя скрыться! ахъ! вопіетъ онъ потомъ къ стражу, удержавшему руку готовую поразить его: неудерживай его, пусть исторгнетъ онъ душу мою... Сіе будетъ верьхъ его благодѣянія.

Преклоняетъ мрачное чело свое, погружается паки во удрученіе.

Какъ отвѣчаетъ Лордъ, яростію дышущій: мнѣ воспретить хотятъ растерзать его сердце... Чудовище... Мерзкой..... Скверный!

ный! . . . . . Злодѣй, адомъ дышущій, ты возмогъ быть моимъ совмѣстникомъ пронзить грудь! . . . . . Пустите меня пролить кровь его, насытить душу мою отмщеніемъ.

Стражъ новыя употребляетъ усилія удержать Агличанина, порывающагося изъ рукъ его и желающаго напасть на Сальвинія. —— Милордъ, какъ вы не терпѣливы: дѣйствіе такое не достойно васъ: оставьте правительству наказать злодѣя. Адельсонъ пребываетъ нѣсколько въ молчаніи; но ярость его возраждается —— чтобы мнѣ не было позволено отмстить ему? Онъ прекратилъ дни . . . О недостойнѣйшая, презрѣннѣйшая душа, для чего не погубилъ ты меня: я могъ бы умирая простить тебя . . . Но убить Нелли, Нелли убить!

Онъ упадаетъ на каменную лавку удручаемъ отчаяніемъ, пускаетъ изъ рукъ шпагу; два ручья слезъ текутъ по его ланитамъ. —— Скажи мнѣ непотребный, скажи, говори, какой непріязненный духъ распалилъ тебя, и подвигъ на толь мерзкое убійство? Сказывай! отвѣтствуй! —— Любовь! она есть источникъ моихъ преступленій, ужасныхъ беззаконій. —— Любовь? Варваръ! можетъ ли любовь учинить убійство? Знаешь ли ты, какимъ злодѣйствомъ ты осквернился? —— Всѣми. Я чудовище законопреступства, извергъ человѣчества, примѣръ ужасной неблаго-

дарно-

дарности, я мерзостнѣйшій изъ всѣхъ злодѣевъ, недостойнѣйшій и презрѣннѣйшій всѣхъ свирѣпѣйшихъ скотовъ: не объясняйте мнѣ моихъ беззаконій: сердце мое оныя чувствуетъ живо, оно прежде всѣхъ мучителей меня терзаетъ. . . Адельсонъ. . . Подлинно ты нещастливъ. . . . . Не можешь ты ни малаго имѣть понятія о моихъ мученіяхъ —— Ты умертвилъ любезнѣйшаго. . . . . . Можешь ли ты снѣдаемъ быть такимъ мученіемъ? —— Нѣтъ? Я вѣдаю. Сколь ни велики мои угрызенія раскаянія, но всегда пребудутъ не сравненны моимъ злодѣйствамъ. . . Они мерзки! . . . . Ахъ! оставь меня, удались: присудствіе твое умножаетъ раздирающія душу мою мученія.

Лордъ заливается слезами —— Можешь ли ты чувствовать мое зло. . . . . Я вижу причинителя онаго —— Чувствую я, чего стоитъ потеряніе Нелли. . . Я учинилъ тебя нещастнѣйшимъ изъ смертныхъ, и тѣмъ самимъ злодѣяніе мое не сравненно; могъ бы я искать, умалить свое беззаконіе, изображая всѣ противоборствія, испытанныя мною, возмущенія души. . . . . . Неродившейся быть злодѣйскою: нѣтъ, не сдѣлана, она была для злодѣянія: но я не только не тщусь умалить преступка, но желаю еще возбудить, раздражить твое презрѣніе: сожалѣніе твое мнѣ вящшимъ наказаніемъ будетъ: я его не заслуживаю: достоинъ я только твое ненави-

ненависти, мщенія, наижесточайшихъ мученій, ... Я согрѣшилъ противу земли, неба, всего; сдѣлался мучителемъ своего благодѣтеля, друга. . . . . Нелли!

При семъ словѣ рыданія Италіанца пресѣкаютъ рѣчь его; потомъ начинаетъ паки:

Кто привелъ васъ въ сіи мѣста! вы хочете лишить меня жизни! ахъ! смерть сія была бы мнѣ сладка! Милордъ, безчестная смерть! смерть на торжищѣ меня ожидаетъ! тамъ покроюсь я предъ очами всего града срамомъ.

Къ сему проливая ручьи слезъ, и рыданіями прерывая гласъ, прибавляетъ: но Адельсонъ. . . . Вѣдайте, что вы для сердца моего всегда были любезны —— Я тебѣ былъ любезенъ, злодѣй! и я твоими руками лишенъ того, что для меня несравненно самаго себя драгоцѣннѣе было! жестокой, возврати мнѣ, возврати мнѣ Нелли, ты ее у меня похитилъ, навсегда! ахъ! почто бѣшенству своему принесъ ты ее въ жертву. . . —— Я любилъ, и не былъ любимъ: она любила тебя: ты готовился владѣть всѣми ея прелестьми. . . Первая минута, въ которую узрѣлъ я Нелли, лишила меня покоя, разсудка, добродѣтели. . . Все я позабылъ: любовь моя сильнѣе была благодарности: тщетно я боролся: не въ

силахъ я былъ преодолѣть удручающую меня власть: знай, что дважды покушался я пресѣчь ненавистные дни мои, хотѣлъ употребить къ тому желѣзо, едъ: Нелли жестокая услуга два раза спасла жизнь мою: вспомни случившееся во время прохаживанія подлѣ стѣнъ звѣринца, сколько ни свирѣпствовало ослѣпленіе и страсть во мнѣ; но дружба превозмогла было: не могъ я отважиться быть преступникомъ, не имѣлъ крѣпости измѣнить тебѣ: суди, коль велику силу сохранялъ ты надъ сердцемъ моимъ въ то время, когда согласился бы я всю природу возмутить, ежели бы могъ хотя единый благосклонный взоръ получить отъ Нелли: вспомни то время, когда Милордъ Бермондъ призывалъ тебя къ Лорду Дюку: сколь не отступно просилъ я тебя взять меня съ собою. . . . Не возможно было мнѣ скрыться отъ ужасныя судьбы моей: должно было ей повиноваться: я буду вѣчнымъ примѣромъ слабости, или паче непостоянства человѣковъ. Ты осыпалъ меня благодѣяніями, ты любилъ меня, изливалъ душу свою въ мое сердце; и во мзду, былъ я неблагодаренъ, поразилъ прелюбезнѣйшую изъ всѣхъ женщинъ. . . . Дражайшую для тебя. . . . . Для меня! . . . Вообрази жестокость, чрезмѣрность страшную страсти, еще меня и поднесь воспламеняющей, которая не угаснетъ инако, какъ съ моею жизнію: трепещи отъ ужаса! посреди болѣзней, мученій, раскаянія, угрызенія совѣсти,

раздиранія сердца, коими я стражду, думаю, думаю я, что не инако бы поступилъ, ежели бы былъ при томъ обстоятельствѣ. Пусть пріуготовляютъ для меня найужаснѣйшія мученія, пусть умру я наибезчестнѣйшею казнію: но да ускорятъ лишить свѣтъ моего пребыванія. Сего только дерзаю я просить отъ твоего соболѣзнованія, отъ великодушія твоего. . . . Душа наша безсмертна: и такъ должно, чтобы моя вѣчно раздираема была безполезнымъ раскаяніемъ о преступленіи противу достойнѣйшаго человѣка.

Адельсонъ кидается къ заключенному, обьемлетъ его, трепещущъ всѣми членами —— Ахъ нещастный! ты былъ другомъ моимъ! и мгновенно оставляетъ его, и удаляется отъ жилища злодѣевъ.

На завтрешній день Сальвини слышитъ въ самую полночь отверзающіяся двери темницы: не сомнѣвается онъ, чтобы то не было опредѣленіе его смерти. Помощію слабаго свѣта познаетъ онъ одного изъ темничныхъ стражей, которой вручаетъ ему письмо и полный золота мѣшокъ. Первое стремленіе понуждаетъ живописца открыть письмо, читаетъ въ немъ:

Опредѣленіе о тебѣ заключено: чрезъ два дни повлекутъ тебя въ Тибурнъ, мѣсто опредѣленное для казни тебѣ подобныхъ. Не искалъ я смягчить строгости законовъ:

 они

они должны вооружиться противу тебя всею ихЪ силою: руки твои обагрены еще кровію Нелли: какое изображеніе! ужасный убійца! осквернился ты всѣми злодѣяніями! меня, благодѣтеля твоего ты умертвилЪ, и терзаешь сердце мое. . . . Пользуйся чувствіемЪ его соболѣзнованія: человѣкЪ, отдающій тебѣ сіе письмо и деньги, имѣетЪ приказаніе прервать связующія тебя узы. Ступай! бѣги: спѣши оставить страну, кЪ коей не долженствовалЪ ты никогда приближиться. Ступай измѣнять другихЪ друзей, ступай умерщвлять ихЪ любовницЪ, дерзай жить, ежели можешь. Я же испущу духЪ вЪ таковыхЪ мученіяхЪ, кои тебѣ наказаніемЪ быть долженствовали.

И такЪ свобода моя зависитЪ отЪ тебя, сказалЪ Сальвини, вздохнувЪ и посмотря пристально на письмо. — Сей же часЪ сниму я сЪ тебя оковы: ты выдешь изЪ темницы: и мы поѣдемЪ вмѣстѣ во Францію: побѣга нашего никто не примѣтитЪ прежде, пока будемЪ мы вЪ безопасности: должно отвѣтствовать Милорду, прерываетЪ рѣчь его живописецЪ: я прошу одной только милости: освободи руки мои отЪ сихЪ цѣпей. . . . Кои я достойно ношу, и достань мнѣ бумаги и чернилЪ.

ОнЪ исполнилЪ ево желаніе. СтражЪ удивляется, не постигаетЪ, отЪ чего такое равнодушіе вЪ колодникѣ, сЪ коимЪ принималЪ

малъ онъ толь неожидаемое извѣстіе: надлежало бы по его мнѣнію предаться ему найсильнѣйшимъ восхищеніямъ; а онъ ни малѣйшаго знака радости не примѣтилъ. Пишетъ онъ при слабомъ сіяніи свѣтильника пространное письмо, и отдаетъ стражу его, и мѣшокъ съ деньгами —— Что ето? Что вы дѣлаете. —— Милордъ узнáетъ мои намѣренія: я тебя прошу покорно, отдай ему и то и другое. —— Такъ вы не хочете —— Пожалуй поскорѣе бѣги къ нему: вить чрезъ два дни должна совершиться моя кáзнь: такъ ли? Ну! она окончитъ всѣ мои мученія. —— Такъ опредѣленіе подписано —— Хорошо. Я буду ожидать отвѣта отъ Милорда —— А сами останетесь въ цѣпяхъ? —— Пойди, сдѣлай только ту мнѣ милость, о которой я прошу.

Адельсонъ удивляется, узря паки стража, о которомъ думалъ, что онъ ужè далеко отъ Лондона съ нещастнымъ Италіанцемъ. Удивленіе его умножается, когда увидѣлъ деньги, спѣшитъ прочесть приложенное притомъ письмо такóва содержанія:

„Не увеличивайте преступленій моихъ, увеличивая свои благодѣянія: естьли сіе можетъ назваться новымъ опытомъ великодушія вашего, чтобы сохранить мою жизнь: должно лишиться мнѣ жизни ненавистной, преступнической, да отмщу я за природу, дружбу, любовь: небо, предав-

шее

шее меня въ наказаніе мое упоенію страсти, коея жестокость превосходитъ всякое понятіе.... Я васъ обидѣлъ, и все исправить долженъ. Сіе не инако можетъ учиниться, какъ подвергшись или безчестнѣйшей смерти... Безчестіе есть первая казнь душѣ, сохранившей посредѣ беззаконій нѣкое чувствіе честности. Милордъ! ты зналъ меня добродѣтельнымъ, чувствительнымъ, благодарнымъ: а я вижу себя днесь наигнуснѣйшимъ и подлѣйшимъ злодѣемъ! какая премѣна! какое паденіе! вамъ должно быть вѣдомо, что умѣю я умереть: но жертвованіе жизнію моею удовлетворитъ ли за важность моихъ преступленій? Ежели бы могъ я вообразить ужаснѣйшую опредѣляемой мнѣ смерти, то просилъ бы я отъ васъ ее яко новаго благодѣянія.

Вотъ чѣмъ бы я желалъ быть вновь обязанъ. Не думайте, чтобы просилъ я о доставленіи мнѣ средства лишиться ненавистной, и тяжчайшей всѣхъ обременяющихъ меня узъ, жизни: я повторяю, что исправленіе не сразмѣрно будетъ преступленію: притомъ преступилъ бы я законъ, коего страшныя истинны я ужѐ начинаю провидѣть. Милордъ! надлежитъ, да въ Тибурнѣ узрятъ меня издыхающаго, покрытаго безчестіемъ, и оставляющаго навсегда память преступника, недостойнаго злодѣя .... Нещастной родъ! такой ли блескъ провидѣлъ ты изъ первыхъ лѣтъ моея

жизни?

жизни? Вѣчныя мученія не возвратятъ моей невинности: погубилъ я ее: долженствую чувствовать весь ужасъ смерти, и я не для того къ вамъ пишу, чтобы избѣжать смерти, единственнаго упованія моего. Я испрашиваю отъ великодушнаго сердца вашего, опыта высочайшаго. Славнѣйшему, единому Агличанину, единому истинному человѣку, такому, какъ Адельсонъ, удобно явитъ чудо великодушія. Я есмь чудовище оскверненное всѣми злодѣяніями: учинилъ я наигнуснѣйшее убійство: вонзилъ ножъ въ грудь женщины . . . . . Тебя самаго, тебя убилъ я! увы! болѣе, нежели тебя. Все сіе не трудно мнѣ понять. И такъ не взирая на чрезмѣрность, важность и множество преступленій моихъ, знайте, чего дерзаю ожидать отъ благости вашей, отъ добродѣтели вашей: я надѣюсь, что будете присудствовать вы при моей казни, что проводите вы меня на мѣсто оныя, что послѣднія взоры мои могутъ быть устремлены на моего благодѣтеля: удостои сего, останетеся вы на вѣки онымъ. Чувствую и, сколь много требую, но приношу сію прозьбу наичувствительнѣйшему изъ смертныхъ Адельсону: онъ не можетъ отказать въ ней.

P. S. Вамъ отдадутъ деньги, кои прежде за честь себѣ ставилъ я принимать: но нынѣ дары сіи мнѣ не нужны; вашего присудствія требуетъ издыхающій

щій Сальвини. Адельсонъ! для имени человѣчества!

Какъ, вскричалъ тогда Лордъ, жестокой! онъ требуетъ еще, чтобы я зрѣлъ ужасное его лице? Для чего не хочетъ онъ избѣжать казни? Ахъ! пусть онъ живетъ, смерть его не возвратитъ ужъ мнѣ Нелли.

При сихъ словахъ проливалъ онъ ручьи слезъ, остается безмолвенъ. —— Милордъ, что прикажете ему сказать, вопрошалъ стражъ? —— Чтобы пользовался онъ моимъ сожалѣніемъ . . . Коего онъ недостоинъ . . . . Чтобы бѣжалъ онъ съ тобою . . . . И чтобы оставилъ онъ меня умереть: онъ похитилъ у меня все, что могло привязывать меня къ свѣту: онъ весь обагренъ кровію, и дерзаетъ . . . - Поди, не хочу я слышать о семъ злодѣѣ: возьми деньги: пусть онъ ихъ употребитъ, какъ хочетъ . . Поди.

Стражъ удаляется: Милордъ бѣжитъ за нимъ —— Скажи, чтобы онъ найскорѣе бѣжалъ . . . . . Боже мой! какъ я нещастливъ: жалѣю о мучителѣ своемъ.

Что! вскричалъ Сальвини, узрѣвъ стража, какой отвѣтъ —— Велѣно мнѣ сложить ваши узы, и удалиться изъ Англіи: Милордъ отдалъ мнѣ деньги. Ахъ! вскричалъ, окропляя слезами оковы свои Италіанецъ, я щиталъ Адельсона великодушнѣе: нѣтъ,

я

я не уйду: мнѣ должно умереть казнію злодѣйскою! почто не могу загладить злодѣянія своего несравненно ужаснѣйшею смертію. Милордъ паки присылаетъ мнѣ деньги? Я даю ихъ тебѣ, желалъ бы я быть въ силахъ: больше что учинить! одной услуги теперь отъ тебя прошу: тебѣ не трудно ее сдѣлать . . Другъ мой, я навсегда былъ злодѣемъ. . . . Любовь ввергла меня въ сію темницу. Такъ я не увижу Адельсона. —— Заклинаю тебя, когда престану уже я существовать: сыщи Милорда, скажи ему, что душа моя навсегда преисполнена была его благодѣяніями, что я любилъ его всегда, что въ иступленіи, когда не властвовалъ я собою: не выходилъ онъ никогда изъ сердца моего, да удостоитъ онъ простить памяти моей. . . . Меня онъ никогда не проститъ.

Жестокой! чего ты хочешь? Вскричалъ Адельсонъ, вступя стремительно въ темницу, и волнуемъ ужаснымъ смущеніемъ. Сальвини, изпускаетъ вопль - Милордъ! я васъ паки зрю! бѣги! отвѣтствуетъ ему Лордъ: коего смущеніе умножается. Время дорого - - - Бѣги съ симъ человѣкомъ. Потомъ обратясь къ стражу, сними съ него сіи оковы, и чтобы я его не видалъ —— Нѣтъ, оковы сіи пусть останутся на мнѣ, они еще не довольно тяжки. Милордъ, я писалъ къ вамъ, я желаю. . . Скорѣйшаго конца: и что несравненно жесточае смерти: желаю, да безчестіе

стіе

стіе и презрѣніе не загладимо пребудутъ при имени моемъ. Я буду примѣромъ благодарности, найсильнѣйшей дружбы, неблагодарности мрачнѣйшей, страсти найбезумнѣйшей, раскаянія наижесточайшаго, угрызенія совѣсти наимучительнѣйшаго, терзанія души наисвирѣпѣйшаго. Ахъ! Адельсонъ, я оскорбилъ дражайшаго благодѣтеля, друга найвѣрнѣйшаго! убилъ. . . .

Не можетъ онъ окончать, ручьи слезъ отъемлютъ гласъ: Адельсонъ еще больше смущенъ, начинаетъ говорить —— Послѣ всѣхъ сихъ раженій, чево еще хочешь ты отъ моего сердца? Жалости, отвѣтствуетъ Сальвини, простирая къ нему обремененныя узами руки, сожалѣнія вашего: да займетъ оно мѣсто дружбы . . . —— Ты говоришь о дружбѣ . . . . . Я повторяю, бѣги, будь свободенъ: угрызенія, ежели можешь ты ихъ чувствовать, не довольны ли къ пораженію . . . . . Бѣги, я больше ничего не требую. —— Наказаніе сіе не довольно. —— Такъ ты хочешь умереть! —— И умереть съ безчестіемъ въ Тибурнѣ, насытить взоры цѣлаго народа. Лордъ устремя мрачный и гнѣвный взоръ на живописца, началъ говорить: я Агличанинъ, и знаю, какъ можно окончать жизнь свою: легко бы мнѣ было сыскать средство спасти тебя отъ безчестной смерти, заслуженной тобою . . . Законъ меня удерживаетъ. —— Милордъ, я предупредилъ васъ, я раздражилъ небо:

небо: но ежели бы божественной сей законъ не удерживалъ руки моей, тобъ предъ очами всея Англіи, на лобномъ мѣстѣ, для заглажденія моего преступленія, ежели возможно.... Все осуждаетъ меня на смерть, и я хочу умереть. Чего же ты требуешь отъ меня? Сказалъ тогда съ нѣкоторою яростію Лордъ. — Какъ вамъ не знать? Вы читали письмо мое, не оставте меня въ то время, когда поведуся я на казнь.. — Тебѣ хочется? — Я понимаю, что требую чудесъ великодушія, добродѣтели, превосходящей силы человѣческія: но требую у Адельсона: — Не уповай, жестокій!... Не надѣйся! кто! я! я могу.... Умри, когда отрицаешся спасти себя, не ожидай... — Я всего жду отъ васъ — Не довольно ли, что могъ я стерпѣть твое присудствіе въ другой разъ---- Что пришолъ... — Сама Нелли, ежели бы могла возродиться, стала бы просить сея милости: она бы была столь великодушна. — Оставь меня... Нѣтъ, не смягчишь ты меня... Нѣтъ, не смягчишь: я нещастливѣе тебя!

Лордъ выходитъ поспѣшно, какъ будто страшась чувствительности, которую Нелли удалить долженствовала.

Милордъ! вопіетъ ему Сальвини, Милордъ! вы оставляете меня! онъ не внемлетъ! ну! продолжаетъ онъ, опустя голову, когда нѣчего ожидать отъ людей, притечемъ къ

Всевыш-

Всевышнему утѣшителю: неужто презритъ и онъ мои слезы?

Темничный стражъ, тронутый его состоянiемъ, приводитъ ему священника, заключающаго всѣ достоинства истиннаго благочестiя: чувствителенъ, снисходящъ, исполненъ утѣшенiя, вливающаго сладость наипростѣйшимъ разговоромъ, нѣжный отецъ, готовый всегда прiять въ объятiя свои нещастныхъ чадъ, не отрѣвающiй скорбныхъ. Сей плачетъ, и содрогается при повѣствованiи Италiанцемъ его нещастiй. Сей твердилъ непрестанно: не близкая моя смерть ввергаетъ меня въ отчаянiе, въ коемъ вы меня видите; раскаянiе, раздирающее душу раскаянiе! что осквернился я ужаснымъ убiйствомъ, что учинился неблагодарнѣйшимъ противу человѣка, честь человѣчеству собою дѣлающаго! . . . А я! что я сталъ предъ очами всего человѣчества, предъ очами самаго себя извергъ недостойнѣйшiй?

Адельсонъ не узнаетъ, до какой степени скорьбь моя меня удручала; онъ отрицается принять послѣднее дыханiе; онъ, самая благость. Боже! Боже мой! и наижесточайшiя раженiя самыя безчестныя, срамныя и поносныя смерти мнѣ уготованной. . . .

Онъ упадаетъ на оковы, горестно рыдая. Жалостливый священникъ истощалъ всѣ

утѣше-

утѣшенія закона. Законъ утѣшеніе нещастныхъ оставленныхъ, отриновенныхъ землею, показующій отверстое небо, готовое принять слезы, воздыханія и раскаянія.

Настаетъ день кȧзни. Узникъ былъ ужѐ на пути къ Тибурну: ежечастно посматривалъ онъ, не узритъ ли Лорда: нечаянное движеніе народа востаетъ. Даютъ мѣсто нетерпѣливому человѣку: прибѣгаетъ сей къ осужденному, и вопіетъ: убійца! наидрагоцѣннѣйшаго для меня въ свѣтѣ человѣка . . . . . Сострадание превозмогаетъ . . . . Чувствуешь ли ты, жестокій Сальвини, сколько ты мнѣ былъ милъ? Сальвини не въ силахъ ничего больше отвѣчать: какъ! Адельсонъ! я зрю паки своего благодѣтеля.

Лордъ ощущалъ нѣкое мучительное движеніе, приближился къ Италіанцу, сказалъ нѣсколько словъ, и удаляясь, подьявъ къ небу рỳки, произносилъ имена: Сальвини. . . Нелли. . . Упадалъ въ изнеможенія, ободрялся, и паки предавался наисвирѣпѣйшему отчаянію.

Ужѐ пріемлетъ въ руки виновнаго исполнитель приговора: сей падетъ къ ногамъ Агличанина, лобызаетъ. —— Се послѣднія мои прозьбы, послѣднія слезы! прости мнѣ, прости мнѣ, о благодѣтельнѣйшій изъ смертныхъ: Адельсонъ покоренъ наиблагороднѣйшимъ чувствіямъ, побѣжденъ жалостію, подъемлетъ живописца съ нѣкіимъ родомъ

ярости,

ярости, испускаетъ вопль, и прижавъ къ груди —— . . . . . Богъ тебя проститъ: и я умру скоро, и мгновенно лишается чувствъ.

Удивленіе къ Лорду, соболѣзнованіе о Сальвини, всеобщая скорьбь, вотъ изображеніе, поражающее всѣхъ взоры. Слышимы были только вздохи и жалобы. Италіанецъ полученною пользуется свободою, даемою въ Англіи осужденнымъ, проситъ всѣхъ помолчать: всѣ внемлютъ, слезы престаютъ: онъ повѣствуетъ въ краткихъ словахъ жалкое свое приключеніе, и показываетъ, до чего страсти насъ довесть могутъ, когда вспоминяетъ первыя свои лѣта, въ коихъ вкушалъ онъ сладость чистыя совѣсти, когда казался быть надеждою рода своего, тогда подвергаетъ его предразсужденію, толико жъ жестокому, сколько странному своея земли, что порокъ его падетъ на весь невинный родъ его. Тогда гласъ его рыданіями прерывался; потомъ помолчавъ нѣсколько, говоритъ нѣчто тихо священнику, не оставлявшему его: думаютъ, что просилъ онъ о увѣдомленіи сродниковъ, о плачевной его судьбѣ; наконецъ усердія полную краткую молитву принеся Богу, приклоняетъ подъ мечь главу.

Лордъ, отнесенный въ сосѣдственный домъ, открываетъ глаза, зритъ Сальвини, надъ коимъ совершалась ужѐ казнь, испускаетъ воздыханія. —— Жизнь его ужѐ пресѣчена, ахъ Сальвини! ахъ Нелли! Нелли.

И симъ словамъ послѣдовалъ новой обморокъ; пребываетъ онъ въ немъ нѣсколько часовъ, и вышедъ изъ мрачнаго сего сна, слѣдуетъ въ свою деревню.

Пріѣхавъ въ замокъ, затворяется онъ въ горницѣ, въ коей Нелли убита, повелѣваетъ, чтобы скрыли всѣ окны, и чтобы стѣны покрыты были чернымъ сукномъ, и чтобы никто не приближался къ его уединенію. Тамо погружается онъ въ жесточайшую грусть, питаетъ ее, и истощается ею. Свѣтъ отъ свѣчи освѣщалъ мрачное сіе жилище, непроницаемое дневнымъ свѣтомъ. Одинъ изъ служителей имѣлъ дозволеніе къ нему входить; Адельсонъ велѣлъ ему передъ собой раскласть все платье, которое носила Нелли; взоры ево искали насытиться симъ зрѣлищемъ; безпрестанно окропляя слезами, лобызалъ онъ сіи одежды; но душу свою и все вниманіе устремлялъ къ тому мѣсту, на коемъ видна еще была кровь Нелли, безпрестанно падая на то мѣсто, лобызалъ кровь сію.

Милордъ Бермондъ желаетъ извлечь племянника своего изъ сего ужаснаго состоянія, но не можетъ дойти до него. Адельсонъ не внемля его прозьбѣ и совѣту, отрицался его видѣть; наконецъ соглашается. Милордъ, вступя въ сей родъ гроба, бросается въ объятія сродника своего, тщится изобрѣсти средства ко утѣшенію, воспоминаетъ пре-

прелести и добродѣтель Нелли, оплакиваетъ ея память, вооружается правомъ вѣры, которая помогая всегда природѣ, запрещаетъ уничтожать себя, и налагаетъ священную должность къ сохраненію себя. Всѣ сіи старанія безполезны; чрезъ три мѣсяца, которыя прожилъ потомъ Лордъ, не произносилъ онъ другихъ словъ, кромѣ сихъ: оставте, оставте меня, я хочу умереть съ печали.

Палъ онъ подлинно подъ бременемъ сей скорби, и кончаяся, учинилъ наслѣдницею имѣнія своего госпожу Риверсъ, прося, чтобы тѣло его погребено было во гробѣ Нелли. Милордъ Бермондъ исполнилъ точно его волю, оплакивая его во все оставшееся время своей жизни; а госпожа Риверсъ вскорѣ послѣдовала дочери своей и Адельсону во гробъ.

